

М. ЛУКАШЕВ И БЫЛИ СХВАТКИ БОЕВЫЕ...

Книга открывает забытые страницы истории отечественных единоборств — от былинных богатырей и кулачных боёв до становления советского спорта. Читая её можно узнать о развитии русского бокса, несостоявшейся Спартакиаде 1942 года и тех, кто формировала спортивную культуру России. История

Михаил Лукашев

И были схватки боевые...

«Автор»

2025

Лукашев М. Н.

И были схватки боевые... / М. Н. Лукашев — «Автор», 2025

На переломе веков — в пыли набегов, у дымящихся костров и на грохочущем поле брани — рождались не только легенды, но и практические приёмы, тактика и стратегия, решавшие исход схватки. Здесь — живые реконструкции дуэлей (включая драматическое описание поединка Яна Усмаря с печенежским богатырём), подробный разбор техник единоборств и исторический контекст их эволюции. Михаил Лукашев соединяет фольклор, летописные записи и археологические находки, чтобы воскресить забытые страницы отечественных единоборств — от богатырских поединков и кулачных боёв на ярмарках до становления русского бокса и событий олимпийской эры. Это не просто хроника приёмов: книга показывает, как в схватках ковали волю народа и как древние боевые традиции переросли в современную спортивную культуру России.

© Лукашев М. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава первая. Борьба-забава богатырская	7
Глава вторая. Международный матч X века	16
Глава третья. Иже зарезал Редедю	28
Глава четвертая. Без борца нет венца	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Лукашев

И были схватки боевые...

В черной речной воде отражались тревожные отсветы полыхавшего в полнеба багрового зарева. Слышался глухой топот неподкованных степных коней, лязг яростно сшибавшихся клинков, гортанные чужезычные клики и истошные вопли раненых. А когда рассветало, дымились пепелища разграбленных домов, неприбранные трупы расклевывали вороны, и, задыхаясь от слез, брели по пыльной дороге на юго-восток женщины и ребяташки, которых степные разбойники гнали в полон как скотину – с толстой веревкой на шее. И все это: ужас ночных пожаров, смерть под кривыми саблями степняков, нестерпимая боль от кровавых ран и оттого, что уже никогда-никогда не увидишь тех, кто был самым дорогим в твоей жизни, – все это вмещалось в коротеньком слове – «набег». Набег хазарский, набег печенежский, на бег половецкий, набег татарский...

Тысяча лет в истории нашей планеты не такой уж значительный срок. Даже если они принесли человечеству куда как больше достижений, чем предшествовавшие шесть тысячелетий вместе взятых. Черепаший ход прогресса одиннадцатого по сравнению с десятым столетием нашей эры способен уловить только наметанный глаз специалиста-археолога. Все же иные – и в том, и в другом случае – увидят лишь одинаково грубо откованные из железа сошники и совершенно неотличимые, изъеденные ржавчиной наконечники копий, шеломы и клинки мечей. Невероятно медленно из века в век поднимался уровень человеческих знаний, развивалась техника, зарождались науки. Но чем ближе к современности, тем все заметнее становилось ускорение, пока наконец наш XX век не принес невиданно стремительных темпов развития. Темпов, нараставших от десятилетия к десятилетию в головокружительной геометрической прогрессии. И вместе со всеми иными достижениями человеческой культуры, как ее неотъемлемая часть, в том же необычайном темпе изменялся и рос спорт.

Это слово «спорт» впервые внесли в словарь русского языка немногим более ста лет назад. Странно подумать, что до этого вообще обходились без него. Впрочем, отсутствие в лексиконе этого популярного ныне слова вовсе не мешало нашим предкам с незапамятных времен азартно мериться силой, ловкостью и быстротой. Удалая потеха – молодецкий кулачный бой или богатырская схватка борцов – была древнейшей традицией, освященной столетиями...

Давно было подмечено, что у одного и того же народа существует два – во многом различных – эстетических критерия. Один для хозяев страны – аристократии, другой – для простонародья. Существовал, однако, еще и третий. Весьма авторитетный – церковный. Там за идеал человеческого тела почитался скелет, плотно обтянутый пергаментом кожи. Именно такая степень смирения плоти почитались наилучшей «формой» для исступленного устремления к богу. И вот величайший авторитет древности – церковь постоянно и гневно осуждает суетные, греховные забавы своей паствы, грозя и призывая на головы грешных страшные кары небесные. Пращуры наши молились усердно, последний грошик, бывало, тащили в бездонную церковную кружку, строили во славу божью соборы изумительнейшей красоты, но вот отказаться от своих языческих и удручающе безбожных забав из века в век нипочем не желали. Всемогущая церковь оказывалась здесь удивительно бессильной!

Конечно же, священнослужители не могли понять, что пытаются отнять у народа то, что возместить были просто-напросто не в силах.

Нынешней вездесущей и модной статистики в те времена не знали, но лет через восемьсот ученые высчитали, что в среднем почти ежегодно обрушивались тогда на русскую землю войны, набеги или иные невзгоды. И самые истовые молитвы, самые голодные посты оказывались совершенно бессильными перед свирепым натиском диких кочевников. Нет, против степных хищников помогала только мощь широченных плеч да тяжелой руки, хороший удар

увесистой булавой, сминавшей железное наголовье, или – со всего маху большим булатным мечом так, чтобы распластать врага надвое, прямо до самого седла... И как прежде, упрямые бородачи, едва выйдя за церковную ограду, схватывались в азартной охотничьей борьбе, а в кулачных боях на масленицу старательно украшали лица друг друга синяками и ссадинами...

Когда старинные доспехи примеряют на современного человека, почти всегда выясняется, что они ему маловаты. Мы изрядно переросли своих далеких предков, у нас вдвое увеличилась средняя продолжительность жизни, но при всем том в смысле мускульной силы и выносливости, пожалуй, столь же сильно уступаем им (тоже в среднем), насколько превосходим интеллектуально. Не в переносном, а в самом безжалостном, буквальном смысле слова работали они как лошади, а зачастую даже больше этих дорогостоящих и оберегаемых в хозяйстве животных. Все, абсолютно все делалось вручную. Это невероятно утомляло, ложилось на плечи давящей усталостью, но ведь вместе с тем и тренировало, приносило силу, выносливость. Казалось бы, как чудовищно должен был уставать человек при таких прямо-таки каторжных нагрузках! Так ведь нет, даже в забавах эти непонятные древние с необъяснимой щедростью снова и снова расходовали свои силы, свою плескавшую через край энергию... В ту далекую суровую эпоху выживали только сильные. Сильные физически и духовно!

Да, немало было в древности и могучих, и ловких, и отважных людей, не раз побеждавших в различного рода народных состязаниях, но что известно сегодня о них, если известно вообще? Была ли в те давние времена спортивная слава достаточно долговечной и громкой для того, чтобы прорвать глухую тьму тысячелетнего барьера времени? Ведь на всем протяжении многовековой истории народного спорта имена победителей никогда письменно не фиксировались, а их гордый облик не воплощался в долговечном камне статуй, подобно олимпийщикам античной Греции. Так знаем ли мы сегодня лучших русских атлетов древности? Помним ли их славные имена?

Конечно, помним, но лишь при одном неслыханном условии.

Одной лишь славы пусть даже самого выдающегося силача на поверку оказывалось явно недостаточно, для того чтобы, «громаду лет прорвав», вышла она из глубин седой древности и дожила до наших дней. Чтоб в течение целой тысячи лет прочно сохранить ее в благодарной памяти народа, славу эту необходимо было породнить с высокой доблестью гражданина. Поставить свою силу и ловкость на службу суровым и опасным воинским подвигам во имя родной земли!

Глава первая. Борьба-забава богатырская

«Гардарики» – «страна городов» – так называли древнюю Русь ее воинственные и беспокойные северные соседи-варяги. В этом слове звучало их уважительное удивление и далеко не бескорыстный интерес. Отважные мореходы, лихие вояки и отпетые разбойники, исколесившие все европейское побережье от Норвежского до Черного моря, они не так уж часто встречали страны со столь многочисленными и богатыми городами. Мощные крепостные стены, вознесенные над высокими берегами рек, нарядные княжеские терема в затейливых узорах белокаменной резьбы и величественно-изящные церкви, ослепительно сиявшие на солнце золотом всех своих крестов и куполов. А еще – многолюдные улицы с редкостной по тем временам мостовой, настланной из дубовых бревен, и шумливая пестрая толчея великих торжищ, куда стекались купцы пости всех известных в те годы народов Запада и Востока. Словом, все то, что потом, в середине тринадцатого века, будет почти без остатка порушено, сожжено, втоптанно в землю свирепой и бессмысленно-дикой лавиной монголо-татарского нашествия...

Казалось бы, уже безвозвратно позабытые, словно их никогда и не существовало, на целых семь столетий оказались похороненными в полной безвестности многие шедевры древнерусской культуры. И только теперь, поднятое из пластов земли, бережно очищенное мягкой кисточкой археолога, пришло к нам в своей первозданной красе то, что некогда было сработано искусными руками наших далеких предков: безымянных резчиков по камню и ювелиров, кузнецов и оружейников, зодчих, живописцев, каменщиков, плотников. Мы словно заново знакомимся с самобытной культурой наших древних княжеств и могучей средневековой республики – «Господина Великого Новгорода». И конечно же, в толщах ее прослеживаем, среди многого иного, давние традиции физического воспитания: всего того, что способствовало подготовке сообразительного, сильного, ловкого, выносливого воина и труженика. Состязания в силе, ловкости и быстроте начались еще с незапамятных времен на языческих славянских игрищах. При всем том воспринимались такие состязания всегда только лишь как забава. Та самая потеха, которой, согласно пословице, из всего своего времени следовало уделять только один час. Но вот если внимательно присмотреться к былым «забавам добрых молодцев», нетрудно подметить многозначительную закономерность. За счет своего рода естественного отбора веками сложился устойчивый комплекс упражнений и надежных приемов, приносивших нашим пращурам насущно необходимые боевые навыки.

И совсем не случайно старинные виды единоборства были окружены любовью и популярностью, которых с лихвой хватило на добрых тысячу лет. Из века в век жил у нашего народа этакий спортивный задор. Неуемная страсть, сойдясь грудь с грудью в бурном единоборстве, померяться и силой, и ловкостью, и искусством бойца. Захватывающе азартные схватки признанных силачей украшали любое народное гулянье. И конечно же, достойный победитель всегда вызывал восхищение, окружался всеобщим уважением и почетом. О нем долго помнили, прославляли, а об иных слагали даже сказания и песни – эти своего рода первобытные спортивные репортажи. Немало их повествовало о славных борцовских единоборствах. О тех, которые можно назвать чисто спортивными, состязательными, и о совершенно других: суровых и беспощадных, разгоравшихся на бранном поле перед началом кровопролитной битвы или, наоборот, уже завершавших жестокий рукопашный бой.

Такие вот песни-предания были древнейшими памятниками нашей истории того «дописьменного» периода, когда в кельях монастырей еще не скрипели гусиные перья летописцев и на пергаментные страницы летописей не ложилось повествование о важнейших событиях на Киевской земле. Переходя из уст в уста, из поколения в поколение, предания стали основой нашего народного героического эпоса – былин.

Былины – сама история, хотя и в весьма своеобразном изложении. С течением времени народные сказания буйно обрастали мифическими подробностями, иные детали безвозвратно утрачивались, замещаясь новыми, рожденными последующей эпохой. До наших дней былины дошли как интереснейшая загадка далекого прошлого, как хитроумно зашифрованное послание к нам многих поколений предков. Там всегда сокрыты пробившиеся из самой седой древности вполне реальные события и образы действительно существовавших некогда героев-богатырей. Но разгадать их и отграничить в многовековой толще легендарных напластований – столь же интересная, сколь и сложная задача.

Героев былин – богатырей тысячелетняя народная любовь и восхищение наделили невероятной, сверхчеловеческой силой. Недаром само слово «богатырь» приобрело еще и нарицательное значение: крупный и сильный, атлетически сложенный человек. И боевая палица у них «в сорок пуд», и дуб способны вырвать с корнем, и, лишившись оружия в бою, могут они без всякого труда ухватить за ноги одного из врагов, «какой больше всих», и начать им «помахивать», отбиваясь от нападающих. Они способны в одиночку одолеть целое полчище врагов, победить вражеского великана-богатыря или страшное чудище – Змея Горыныча.

А еще былинный богатырь – это неколебимая отвага и высочайшее воинское мастерство. Однако всеми этими завидными качествами отнюдь не исчерпываются характеры героев нашего национального эпоса. Если хотите, то это даже не самое главное, ведь и силой и смелостью не обижены и их враги – отрицательные персонажи былин. Дело в том, что отличные воинские качества богатырей при всей их несомненной ценности остаются всегда лишь средством служения великому делу защиты своей родной земли. Недаром же из века в век пелись былины «добрым людям на послушание, молодым молодцам в перенимание»!

Тревожное и яркое время, давшее основу нашему былинному эпосу, это конец X – начало XI века, – княжение Владимира Святославича, которого народные певцы ласково величали Красным Солнышком. Эпоха Владимира – это особое время в нашей древней истории. Немало было причин тому, что именно о нем так долго хранил народ память в своих былинах. Нет, его достоинства далеко не исчерпывались только тем, что встал он на путь просвещения Руси, приказывал кормить нищих и убогих. (Хотя, честное слово, по тем временам это было совсем не мало!). Делом всей его жизни стала решительная борьба с хищной «степью». Он возвел десятки пограничных крепостей, которые «заставами богатырскими» встали на пути печенегов. Привлек к беспощадной борьбе с ними жителей даже самых отдаленных от «степи» русских земель, превратив ее в общенародное дело. Богатыри – это именно те, кто первыми вставали на пути разномастных врагов.

«Стояли на заставе они на крепкой,
Стерегли-берегли они красен Киев-град».

Своих героев-богатырей народ видел прежде всего людьми высочайшей справедливости, благородства и человеческого достоинства. Ничто не могло заставить их использовать свою мощь и воинское искусство для недоброго дела или в своих корыстных целях, ради собственной выгоды: «либо корыстоваться, либо богатырем слыти». Никогда не поступались они своей совестью, не обижали слабого, но всегда защищали его.

И вот ведь многозначительная особенность: каких только удачливых войн не вели в свое время князья: завоевывали и чужие земли, схватывались в кровавых и вероломных братоубийственных междоусобицах, но вовсе не ради таких сомнительных подвигов устремлялись богатыри в кровавую сечу. Среди сотен былин и их вариантов нет ни одной с подобным сюжетом. Нет, вовсе не за это народ славил своих героев! Богатыри – это прежде всего народные заступники, и свою беспощадную борьбу вели они только против захватчиков, пришедших с войной и разорением на Русскую землю; с ворогом, угонявшим людей в рабский полон, с хищни-

ками, обложившими Киев тяжелой данью. Вот истинный смысл их ратной жизни! И именно эти, милые сердцу народа, благородные черты ярко высвечены в образах древнекиевских богатырей. Они – не только мощь народа, но и его совесть, его высокий идеал!

Установлено, что былины родились в крестьянской среде, в самой угнетенной и многострадальной части населения Древней Руси. Все беды, все невзгоды русской земли наиболее тяжело и в первую очередь ложились на их плечи. И совсем не случаен был отбор характеров былинных героев, не случайно складывались их образы...

Читая былины, нельзя не обратить внимание на то, как часто встречаются на их страницах описания борцовских поединков. При этом борьба может составлять всего лишь один из драматических эпизодов былины, а может находиться и в центре всего повествования. Здесь и чисто состязательные схватки, как разудалое желание сойтись помериться силой, и беспощадные боевые единоборства. Впрочем, это и не удивительно. Ведь богатыри – дружинники киевского князя Владимира, профессиональные воины.

А борьба являлась важным элементом боевой подготовки каждого воина, составляла неотъемлемую часть воинского мастерства в рукопашной схватке. Хороший борец – непременно и хороший воин. А воин – это боец, владеющий не только оружием, но и приемами борьбы. В многочасовых сечах тупились и ломались клинки мечей и сабель, переламывались древки копий, рукояти боевых топоров, и потерявший оружие боец оказывался вдруг лицом к лицу с нападавшим на него вооруженным врагом. Схватку приходилось продолжать уже безоружным. Здесь борцовские броски и болевые приемы служили как бы обязательным дополнением, естественным продолжением искусства владеть оружием. И совсем не случайно среди древних еще языческих суеверий существовал заговор «ратного человека» не только от стрел, мечей и других ратных орудий, но еще и «от бойцов и борцов».

Использование в рукопашном бою приемов борьбы было самым обычным делом. Настолько обычным, что даже в традиционном былинном описании богатырского поединка борцовская схватка заняла свое, строго определенное место. Добавлю, что такой же точно традиционный рассказ о единоборствах утвердился не только в русском, но также в тюркском и монгольском эпосе. И дело здесь вовсе не в заимствовании: просто народные сказители независимо от их национальности всегда старались отобрать для повествования наиболее реалистичный и вместе с тем, драматический вариант рукопашной схватки. Былинный рассказ о богатырском поединке имеет единую и давно установившуюся последовательность с непрерывно нарастающим напряжением борьбы. Сначала соперники устремляются навстречу друг другу во всю прыть конского бега и наносят первый удар копьями, но от яростного удара в крепкий щит трещат и ломаются длинные древки копий. Поединщики тотчас обнажают клинки, но вскоре отбрасывают «исцербившиеся да изломавшие» мечи и берутся за тяжкие литые палицы. Однако и булавы не выдерживают грозных богатырских ударов, отраженных щитами, и подламываются в рукоятях. И вот тогда-то на помощь оставшимся безоружными бойцам приходит борцовская сноровка. Они спешиваются и схватываются в борьбе поистине титанической, именно такой, какая под стать их богатырской мощи. Их борцовскую сшибку былинники сравнивают со столкновением двух гор. От их боевого клича дрожит земля и ломается лес. Сама земная твердь не выдерживает тяжести богатырей, и они по колено в землю «втаптываются». Вспомните поэтический пушкинский рассказ о смертельном поединке Руслана с его соперником Рагдаем.

Увлеченный живой поэтичностью только еще недавно записанных и впервые обнародованных русских сказок и былин, молодой поэт точно следует былинной традиции в изображении схватки. Поединок соперников проходит все фазы богатырского единоборства и заканчивается рукопашной борцовской схваткой, правда, своеобразной – не сходя с коней и оставаясь в седле. Такой вид борьбы тоже описан в былинах.

Былинными сюжетами и героическими образами богатырей вдохновлялись и безвестные народные художники, рисовавшие лубочные картинки, и такие большие прославленные мастера, как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин,

Н. М. Карамзин, Л. Н. Толстой, поэт А. К. Толстой, композиторы А. П. Бородин и А. Т. Гречанинов, художники М. А. Врубель и Н. К. Рерих. А с тех пор, как В. М. Васнецов создал свою замечательную картину «Богатыри», мы представляем их себе только такими, какими запечатлел их этот выдающийся художник. Это три наиболее известных и популярных богатыря – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Из них «старый казак* Илья Муромец» – самый любимый народом былинный герой. (Казак в былинах стали называть Илью Муромца после того, как сторожевую службу на южных границах Руси начали нести именно казаки.)

Он старше своих соратников не только по возрасту, но и по положению. Илья «набольший богатырь», «атаман заставы богатырской».

И это вопреки его «низкому» происхождению: ведь он всего-навсего лишь «крестьянский сын», «мужичище», как презрительно называют его родовитые завистники. Мощью он превосходит всех своих боевых товарищей. И когда одолеть неприятеля оказывалось им не по силам, в решительное единоборство с незванным пришельцем вступал сам Илья, всегда одерживая победу.

Совершенно естественно, что в арсенале его воинского мастерства достойное место занимают и приемы борьбы, безоружного рукопашного боя. В одной из былин особо отмечено это его умение, говорится, что «старый увертлив был, ухватку знал».

Лет полтора назад журнал «Русская беседа» опубликовал статью, автор которой пытался установить, какие именно приемы использовали в борьбе былинные богатыри. Названия приемов в былинах сохранились, но разгадать, что стоит за этими своеобразными простонародными терминами, автору так и не удалось. Его ошибкой было то, что старался сделать это он чисто теоретически и даже не пытался обратиться к существовавшей тогда практике нашей борьбы. А ведь в те годы народная борьба еще жила полнокровной жизнью, и в ходу оставались те самые названия бросков, которые указаны в былинах.

Так что же это были за приемы? Что скрыто за их непонятными для нас просторечными названиями?

Вот Илья, переодевшись странником, приходит к Идолищу Поганому, символизирующему самые темные, страшные силы, веками подвергавшие Русь разорению и пожарам. Безоружный богатырь расправляется с врагом, использовав прием, который в современной терминологии носит название «бросок захватом двух ног»:

«Хватал как его да за ноги
А трапнулего да о кирпичный пол».

Нетрудно представить, что осталось от Идолища после этого богатырского «трапанья». Столь же могучим броском разделяется Илья и с вероломным Сокольниковым:

«Да и вызнял (поднял) его выше могучих плеч,
Опустил он его да о кирпичат пол».

Доводилось Муромцу вести борьбу и лежа на земле. Описание былинных единоборств заканчивается повержением одного из борющихся на землю, причем победитель, не давая подняться, немедленно садится ему на грудь. Делает нечто вроде современного удержания верхом. В схватке с вражеским богатырем – поляницей Илья оскользнулся и упал на землю, а поляница тотчас прыгнул ему на грудь, делая «удержание» и готовясь нанести смертельный удар

кинжалом. И вот здесь мы видим не только прием «удержание верхом», но еще уход от него и ответное «удержание», которое проводит уже Илья. Он «смахнул» врага с груди «да заскакивал ему на груди черные».

И, разумеется, не случайно народный художник СССР Е. А. Кибрик (в молодости сам отличный борец), иллюстрируя былины и создавая образ Ильи Муромца, просил позировать ему чемпиона СССР и мира по классической борьбе Александра Мазура. А для сцены борьбы Муромца с вражеским богатырем вместе с Мазуром позировал еще и многократный чемпион страны по самбо и вольной борьбе, олимпийский чемпион и чемпион мира Арсен Мекокишвили.

Умеет Илья и ловко увернуться от брошенного в него «чинжалища булатного» к, поймав его, метнуть в нападающего. Оказавшись перед врагом с голыми руками, он превращает свой шолом в грозное оружие, нанося удары и отбивая им брошенный в него нож. Ну как не вспомнить здесь, что и в годы Великой Отечественной войны наши бойцы, вот так же оказавшись безоружными, разили врага ребром стальной каски и ловили в нее удар вражеского штыка в рукопашном бою.

Второй после Ильи «податаманье» – Добрыня Никитич. Это, так сказать, богатырь-интеллектуал. Он отличается образованностью и «вежеством». Это умный дипломат, искусный гуслирь и певец былин. Вместе с тем он очень силен и великолепно владеет как оружием, так и борцовскими приемами.

«Стал-то Добрынюшка на возрасте,
Как ясной сокол на возлете.
Изучил Добрынюшка бороться,
Изучился он с крутой, с носка спущать.
Прошла про него слава великая...»

Но что же это был за бросок такой – «спускать с носка»? Впоследствии, уже в прошлом веке, русский этнограф Д. Равинский опишет сущность этого приема так: «...борец, покосив противника на правую сторону, вместе с тем подбивал носком правой ноги его левую ногу и этим способом мгновенно сшибал его с ног на землю...» Особенно искусно владели тогда этим приемом московские борцы. Бросок именовали «московским», и родилась даже поговорка: «Москва бьет с носка». Дожил этот эффективный прием и до наших дней. Вы без труда найдете его в арсенале нашей борьбы самбо, где он получил название «передняя подсечка»...

Добрыня даже специально ездит «по всем землям, по всем странам», ищет себе достойного противника, но так и не находит.

Князь поручает ему вместе с другим богатырем Василием Казимировичем отвезти «дани-пошлины царю Батуру в землю половецкую». Но богатыри задумали не только избавить Русь от тяжких поборов, но и получить дань с самого Батура. Царь предлагает русским послам несколько состязаний. Добрыня сначала обыгрывает его в шахматы, затем превосходит в стрельбе из лука. И тогда Батур обратился к богатырям со словами:

«У вас есть ли в стольном во граде, во Киеве,
У вас есть ли борьба да рукопашечна?..
Да нельзя ли с вами, молодцы, поборотися?»

Добрыня согласился состязаться в борьбе и вышел «на широкий двор», где против него выпустили, как и положено в былинах, великана-борца, «страшного-преужасного»:

«А между плечами широко сожен,

Между глазами широко пяден.
Голова на плечах как пивной котел».

Когда Никитич одолел великана, на него, нарушая уговор о честной борьбе, выпускают сразу двух, потом трех, а затем даже десять противников. И, наконец, идет на него «силушки черным-черно». Борьба превращается в настоящее сражение. Вышедший на борьбу безоружным, Добрыня хватает за ноги одного из неприятелей и отбивается им от остальных. А Василий приходит ему на помощь, ухватив тяжелую тележную ось и орудя ей как палицей. Батур просит пощады и соглашается выплатить требуемую с него дань.

Что же касается последнего из славной тройки – Алеши Поповича, то по богатырским понятиям он недостаточно силен; «силой не силен, очень напуском смел».

На его долю соответственно выпадает наименьшее количество борцовских схваток с врагом, но из них он тоже выходит победителем.

Наши познания обычно ограничиваются только именами этих трех, описанных выше наиболее популярных былинных богатырей, но в действительности их целая плеяда, и почти все они испытывают себя «борьбой рукопашечной».

Вот Дунай сын Иванович, который добился почетной «ничьей» с искусным борцом, самим Добрыней. Их бой начался из-за недоразумения, так как оба богатыря посчитали себя обиженными. Изломав оружие, они схватываются в безоружной борьбе, словно Руслан с Раг-даем не слезая с коней:

«И тянулись через гривы да лошадиные —
И некоторый некоторого не вытянул.
Соскочили как ребятушки со добрых коней,
Ухватились ребятушки плотным боем,
А плотным-то боем, ведь рукопашкою.
И возились ребятушки целые сутки
И возились ребятушки и други сутки».

На третьи сутки мимо проезжает сам Илья Муромец. Он насмешливо бросает им: «Бог в помощь». Атаман явно не одобряет вражды между русскими богатырями: у них и без того хватает врагов. Он вынуждает их не только помириться, но даже и побрататься.

А вот еще один борец-богатырь – Петрой Петрович.

В чистом поле он встречает вражеского воина «поляницу молодого». Честно оговорив условия поединка, соперники вступают в единоборство, и вот наступает очередь борьбы.

«Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он весьма был обучен бороться об одной ручке.
Подошел он к поляничицу удалюю.
Да й схватил он поляницу на косу бедру,
Да й спустил на матушку сыру землю».

Но затем в побежденном Петрой узнает своего брата, некогда угнанного татарами в полон. Такой поворот сюжета точно отражал горькую действительность времен непрерывных вражеских набегов: слишком часто приходилось разлучаться навек с родными и близкими людьми.

Вполне понятно, что описан здесь хорошо известный нам и сейчас bedровый бросок. А «на косу бедру» – это потому, что направлен такой бросок по криволинейной траектории: вверх-направо, а затем – налево-вниз (при броске вправо), или еще оттого, что, выполняя

прием, борец наклонялся в сторону, выставляя бедро, как бы перекосившись. Что же касается борьбы «об одной ручке», то о ней я расскажу несколько позже.

Стоит здесь сказать еще и о богатыре Иване Годиновиче, чью невесту царь Афромей прочил себе в жены. Иван сходитя с царем в поединке, который должен решить судьбу невесты:

«И схватилися они тут боротися.
Что-де ему царю делати
Со младым Иваном Годиновичем.
Согнет он царя корчагою.
Опустил он о сыру землю.
Царь Афромей Афромеевич
Лежит на земле, свету не видит».

В. И. Даль объясняет: «Согнуть кого корчагой —смять или подломить». Это чисто силовой прием. Обхватить соперника спереди за талию и притягивая к себе руками, вместе с тем нужно было навалиться на него грудью, как бы переламывая его в поясе и опрокидывая на спину. В шутку прием позднее называли еще русский ломок.

Интересно отметить, что в былинах борются не только мужчины, но и женщины.

Киевский князь заточил новгородца Ставра Годиновича. На помощь Ставру приходит его жена Василиса. Надев мужское платье и назвавшись послом «из дальней орды», она приезжает ко двору князя якобы с требованием дани. Князь подозревает, что посол – переряженная женщина, но боится ошибиться и в качестве одного из испытаний назначает борьбу. Хотя князь выставил для единоборства нескольких своих сильных борцов, «посол назад не пятится, пошел бороться». Описание борьбы позволяет предполагать, что Василиса умело применяет в борьбе неизвестные соперникам болевые приемы, так как у одного из ее противников оказывается поврежденной рука, у другого – нога. Победив, она, в конце концов, выручает мужа «из подвала глубокого». Эта героиня быliny переселилась впоследствии и в наши народные сказки, где стала Василисой Премудрой и Прекрасной.

Располагая таким множеством описаний борцовских схваток, можно, пожалуй, задаться вопросом о том, кто же из богатырей был сильнейшим. Кто мог бы считаться былинным «чемпионом» по этому виду единоборства? Тем более что вопрос о сравнительной силе богатырей волновал и самих сказителей, и в поздних былинах они специально сводили в единоборстве своих героев так, как это было, например, с Добрыней и Дунаем.

Пожалуй, больше всего оснований претендовать на «былинно-чемпионское» звание у самого могучего богатыря – Ильи Муромца. Действительно, едва до него дошли вести о борцовской «великой славе» Добрыни Никитича, как Илья спешит с ним «потягаться». Он уверен, что сильнее его самого «еще нет – то такого борца по всей земле».

Много значила в борьбе физическая мощь, но, разумеется, издревле знали: есть нечто такое, что вполне успешно можно противопоставить и ей. Точно подметив и умело используя момент, когда «атаман» оказался в неустойчивом положении, Добрыня искусным броском опрокинул его на спину. Вот былинное описание этого единоборства:

«Брали за ремень за подбрудное.
По колен-то в сыру землю втопталися.
По Добрынюшкину было по счастьюцу
У осударя права ножка подвернулася,
Левая ручка оскользнулася,
Мастер был Добрынюшка боротися
Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю».

Но, одержав победу, Добрыня просит простить его, так как он боролся, не зная, кто его соперник. И еще просит «набольшего богатыря» быть его «вторым отцом».

Похоже, что мы едва ли ошибаемся, если сильнейшим борцом древности признаем именно Добрыню Никитича. Но вот только можно ли считать героев былинного эпоса реально существовавшими лицами? Или это всего-навсего плод народной фантазии, сложный собирательный образ?

В основе былинных персонажей, даже таких причудливых и, казалось бы, фантастических, как Идолище Поганое, несомненно, лежат образы существовавших некогда людей. Углубляясь в «родословную» былинных героев, почти всегда можно отыскать тех, кто явился их прообразом. В венгерских, германских и норвежских исторических хрониках в эпосе встретить имя Ильи Русского – полководца князя Владимира Святославича. В новгородской летописи найти описание злочключений сотского Ставра, действительно заточенного киевским князем Владимиром Мономахом. А в других летописях прочитать об Александре Поповиче – одном из семидесяти богатырей, сложивших голову в трагической битве на Калке. Кстати, это как раз он, ухватив неприятеля за ноги, превратил его в своеобразную палицу.

В этом отношении наш Добрыня Никитич отнюдь не представляет исключения. У него даже не один, а как минимум два прототипа. Один из них – дядя князя Владимира, боярин и воевода, живший в X веке. А второй – рязанский «хоробр» по прозвищу Злотой пояс – родился только через два столетия и был боевым сподвижником Поповича, разделившим его печальную участь в бою с монголо-татарами. Такое «раздвоение личности» серьезно осложняет и без того нелегкую задачу: определить, от какого именно из двух своих прототипов – киевского или рязанского – получил былинный богатырь в наследство борцовское искусство? Тем более что только этими двумя вариантами былинные источники могут отнюдь и не исчерпываться.

Академик Б. А. Рыбаков в своем интереснейшем исследовании, которое читается поистине, как увлекательный приключенческий роман, рассказывает о первооснове некоторых из тех качеств, которые в былинах приписываются Добрыне, но при этом констатирует: «Нам никогда не удастся выяснить, был ли исторический Добрыня, сын Малка Любечанина, гусяром и сказителем былин...» То, что говорится здесь о музыкальных способностях богатыря, к сожалению, полностью относится и к его борцовскому мастерству. Отталкиваясь от этого былинного образа, нам никак не удастся из-за недостатка сведений выйти к какому-то конкретному человеку, действительно существовавшему в древности сильнейшему борцу. Так что наш такой колоритный «храбр и наряден муж» Добрыня Никитич, хотя вполне и годится на символическую роль патрона всех российских борцов, но открыть почетный строк реально существовавших чемпионов, к сожалению, никак не сможет...

Несколько византийских исторических хроник донесли до нас рассказ об одной из первых встреч этих гордых наследников античной культуры с «варварами» – славянами. В 583 году византийский император и талантливый полководец Маврикий вел войну на северных границах своей державы. В придунайских землях отряд закованных в стальные панцыри византийских воинов встретил и захватил трех неизвестных. Это были рослые, богатырски сложенные мужчины, но безоружные и без каких-либо доспехов. В распахнутых воротах их белых холщевых долгополых рубах виднелась обнаженная грудь, а вместо оружия в руках были гусли.

Пленниками, если этих мирных людей можно считать пленными, заинтересовался сам Маврикий. Гусяры рассказали ему, что родом они славяне, живут «у края Западного Океана» (вероятно, Балтийского моря). Идут они вот уже пятнадцать месяцев, направляясь к аварам, которые воевали с Византией и уговаривали славян выступить в качестве их союзников. Славянские вожди направили гусяров послами, повелев ответить аварам, что в войне славяне участвовать не будут. И еще рассказали гусяры, что их земляки вообще не облачаются в доспехи, потому что не умеют их выделывать.

Император долго беседовал со славянами, подивился их высокому росту и похвалил величавую осанку. А потом... приказал отправить мирных послов в качестве пленных в Византию, обрекая их на рабство и вечную разлуку с родными и близкими.

И уж, наверное, в византийских городах тоже жадно глазели на белокурых голубоглазых гусляров, дивясь их статью подобно Маврикию. В те годы славяне столкнулись с жестоким миром Средневековья, где самым веским и безотказным доводом служила остро отточенная сталь

оружия, которого они еще не имели. И для того, чтобы получить в этом беспощадном мире право на жизнь, нужно было быть храбрым, сильным и ловким воином. И конечно, завладеть тем первоклассным оружием, которое находилось в руках могущественных византийцев. И славяне смело вступили в эту заведомо неравную борьбу.

Очень, очень скоро византийский церковный историк, быть может, один из тех, кто еще недавно с любопытством разглядывал порабощенных славянских послов, уже начал горько сетовать на воинские успехи славянских племен: «Они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне (то есть византийцы. – М. Л.). И это люди простые, которые еще недавно не осмеливались показываться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех дротиков».

Летописец готов, прошедших некогда с огнем и мечем по славянской земле, горестно восторжничает: «Победы славян ниспосланы за грехи наши».

Славяне уверенно выходили на большую арену мировой истории, и теперь о них все чаще и чаще повествуют не только исторические хроники, но и трактаты выдающихся полководцев. И все отмечают отвагу, силу, ловкость и воинское мастерство этого «многолюдного народа» занимающего «неизмеримые пространства».

Уже известный нам Маврикий пишет так: «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жару, холод, дождь, наготу, недостаток пищи».

Еще один византийский историк, Лев Диакон, так описал военные походы выдающегося древнерусского полководца князя Святослава: «...сей народ отважен до безумия, храбр, силен...»

Словно дополняя его, вторит арабский дипломат Ибн-Фадлан Ахмед: «...я видел руссов, когда они пришли со своими товарищами и расположились по реке Итиль (Волге), и я не видел более совершенных членами тела, чем они: как будто они пальмовые деревья...»

Повествуя о привлекавшем особое внимание высоком росте, огромной силе и отличных боевых навыках воинов-славян, известный историк Прокопий из Кессарии заметил: «Эти племена... не управляются одним человеком, но издревле живут в народноправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим».

Должно быть, для Прокопия, гневно обличившего в своих работах деспотизм императора, эти качества славянских племен были особенно привлекательны...

Глава вторая. Международный матч X века

Так пока и не удалось нам с вами разгадать имя сильнейшего борца нашей древности. Того, кого можно было бы считать «чемпионом» Древней Руси. Фольклор, к сожалению, нам в этом деле помочь не смог. Изменяющиеся со временем устные предания бережно сохраняют собирательный образ героя, но утрачивают и изменяют многие детали, и том числе и те, которые нас с вами интересуют.

А может быть, попробовать обратиться к письменным источникам – нашим летописям? Ведь на их пергаментных страницах отразились события и IX и X веков, времени становления Древнекиевского государства.

В первый момент такая мысль кажется просто абсурдной. Летописи велись в монастырях, и уж кто-кто, а монахи знали истинную цену «окаянных бесовских игрищ». Где уж тут ждать от них рассказа о «греховодниках»-борцах! Но как это ни поразительно, первое исторически достоверное и хронологически точное сообщение о борцовском поединке в Древней Руси оставил нам не кто иной, как черноризец Киево-Печерского монастыря Нестор. Тот самый славный летописец Нестор, который пришел в монастырь семнадцатилетним юнцом и за долгие годы самоотверженного труда создал там необыкновенно талантливую «Повесть временных лет», равной которой нет в историографии ни одной европейской страны, за исключением прямых наследников античной культуры – Рима и Византии. Не следует, однако, думать, что летописец в порядке исключения был ревностным борцовским болельщиком и к народным забавам относился снисходительно. Вовсе нет! И если монах нашел все же возможность рассказать о древнем атлете, то только из-за его выдающихся боевых заслуг. Вот что узнаем мы из «Повести».

Сын Святослава – киевский князь Владимир Красное Солнышко – был славен не только деятельностью просветителя, но в полной мере унаследовал и воинственность своего отца – знаменитого древнерусского полководца, вероломно убитого печенегами. Не раз Владимир Святославович водил в походы свою испытанную дружину.

Итак, летопись гласит, что «в лето от сотворения мира шесть тысяч пятисотое» (по нынешнему летоисчислению в 993 году) Владимир вел войну с хорватами. И едва успел князь со своей дружиной воротиться из дальнего похода, как на русскую землю из степей днепровского левобережья нагрянули кочевые печенежские орды. Эти степные хищники, как их называли тогда «поганые», не случайно выбирали время для набегов, когда русские воины находились вдалеке от своих городов. На сей раз, правда, печенеги совсем немного, но опоздали. Владимир немедленно двинулся с войском навстречу незваным пришельцам.

Если на войну в чужие края ходила, как правило, одна только княжеская дружина, усиленная отрядом добровольцев, то когда в пределы киевских земель вторгался враг, и особенно такой опасный и беспощадный, как степные кочевники, на борьбу с ним поднималось уже все-народное ополчение. За оружие брался каждый мужчина, способный его носить. Дома оставляли только младшего сына в семье. Разумный обычай этот соблюдался многие столетия. Ведь дававшее всем пропитание хозяйство в любом случае не могло лишиться вдруг всех мужских рук, которыми оно располагало. Была здесь, наверно, еще и забота о том, чтобы в случае гибели старших, не пресекся окончательно род. В те времена случалось ведь и так, что после ожесточенной битвы некому было даже принести домой страшную весть о поражении...

Привычно вышагивали по пыльной дороге ополченцы: киевские ремесленники и крестьяне окрестных сел. Далеко не каждый имел дорогостоящее оружие, а тем более доспехи. Многие выступили на врага всего только с ножом, с топором, охотничьими рогатинами и луками, а то и просто с хорошей увесистой дубиной-ослопом. Отсутствие доспехов заменяли тегилiai-кафтаны, подбитые толстым слоем пеньки, или сплетенные из толстых веревок рубахи.

Стараясь не отрываться от пешей рати, впереди шажком трусили княжеские дружинники при полном доспехе.

Киевские полки быстро двигались навстречу неприятелю, и вскоре передовой разведывательный отряд-сторожа уже приметил вдали черные дымы печенежских костров.

А подойдя к притоку Днепра Трубежу, в том месте, где тогда был брод, а теперь стоит город Киевской области

Переяслав-Хмельницкий, разведчики увидели на противоположном берегу походный стан степняков. Кочевые повозки, крепко привязанные одна к другой, сплошной стеной окружали весь их лагерь, образуя своеобразную линию укреплений. Порывы степного ветра развевали на острых печенежских копьях разноцветные прапорцы – пучки крашеного конского волоса, привязанные к древку пониже наконечника. Доносили с того берега чужезычный говор и конское ржание...

Русская рать, вышедшая к Трубежу, встала вдоль реки по ее правому берегу, надежно преградив дорогу к «матери городов русских» – Киеву. Теперь оба готовые к бою войска, разделенные рекой, стояли друг против друга, но ни печенеги, ни русские не спешили ступить на вражеский берег.

И вот тогда от кибиток степняков к реке поскакали несколько всадников. Впереди всех держался пожилой, с гордой осанкой, печенег в золоченом византийском шлеме. Посевшие в походах киевские дружинники, которым приходилось рубиться с «погаными» еще при покойном Святославе, без труда узнали в нем печенежского князя. Около самой воды он туго натянул украшенные узорными бляшками поводья и круто осадил своего степного скакуна. Один из сопровождавших его воинов замахал рукой, привлекая к себе внимание и, безбожно коверкая русские слова, прокричал, что печенежский князь зовет на переговоры Владимира.

Владимир тотчас прискакал к Трубежу. Отделенная от него только неширокой рекой, на том берегу стояла кучка надменных, уверенных в своей силе захватчиков.

– Выпускай любого своего воина, – донеслось из-за реки.

– А я выпущу своего. Но пусть они не бьются оружием, а борются голыми руками!..

Обычай начинать битву единоборством двух сильнейших воинов существовал издревле. Исход же такого поединка ощутимо влиял на боевой дух воинов и вполне мог предопределить судьбу всего грядущего сражения. Победа в единоборстве понималась как некое предзнаменование, как перст судьбы. Конечно же, она вселяла уверенность в тех, чей богатырь оказывался сильнее, и в то же время духовно подавляла их врагов.

Отказ от поединка с неприятелем считался не только позором, больше того, он еще до начала битвы дал бы врагу полную уверенность в своей якобы неодолимой силе. Всего этого, конечно, не мог не понимать Владимир. И вызов киевский князь принял не колеблясь. Возвратившись в свой стан, Владимир приказал подыскать воина, способного померяться силами с вражеским борцом. И по всему русскому лагерю разошлись глашатаи – бирючи, громко выкликая: «Нет ли среди вас такого, что схватился бы с печенежином?!»

Долго слышались эти возгласы, но охотников так и не сыскалось. Когда кочевники привели на берег своего великана, киевляне все еще не могли найти ему достойного противника...

Очень может статься, что какой-нибудь дотошный читатель полюбопытствует: а что, собственно, мог представлять собой печенежский гигант? Не показался бы он нам сегодня всего лишь заурядным человеком среднего роста? Вопросы закономерные. Средние показатели человеческого роста увеличивались даже за последние несколько десятилетий. Что же говорить о целых десяти веках! Наверное, действительно, пресловутые великаны былин и древних сказаний просто-напросто затерялись бы в толпе самых обыкновенных современных людей.

И нам следует предусмотрительно взять нашего печенежского «гиганта» в кавычки. Однако спешить с подобными выводами не нужно. Мощные и высокорослые, даже по нынешним понятиям, люди существовали на протяжении всей истории человечества. На территории

Владимирской области в одном из захоронений археологи обнаружили скелет атлетически сложенного мужчины, рост которого должен был равняться как минимум 190 сантиметров. Даже в наше время этот первобытный охотник выглядел бы настоящим богатырем, а жил он ни мало целых двадцать тысяч лет назад, в далеком каменном веке. Были и другие находки такого рода и даже скелеты еще более высокорослых мужчин – до двух метров десяти сантиметров.

Как видим, печенежский великан мог выглядеть достаточно внушительно, а среди сравнительно невысоких людей своего времени даже прямо-таки устрашающе. Нетрудно представить, как «смотрелся» он на этом выгодном фоне и какое сильное впечатление должен был производить на окружающих!

Снова и снова расхаживали по киевскому лагерю бирючи и до хрипоты тщетно выкликали охотников на единоборство. Дело складывалось скверно. И вот тогда в шатер к огорченному и встревоженному Владимиру Пришел пожилой ополченец с такими словами:

– Княжне, есть у меня меньшей сын дома. Я вышел с остальными четвермя, а его оставил. Однажды мня он воловью кожу, я же стал бранить его за что-то. Так он, рассердившись, эту толстую кожу разодрал руками...

Из рассказа ополченца выяснилось, что сын его был не только наделен огромной природной силой, развитой к тому же тяжелым, дававшим большую нагрузку на руки, трудом усмаря – кожевника, отрок славился еще и как искусный борец, не потерпевший ни одного поражения. Еще не нашлось никого, кто смог бы «ударить им о землю», то есть повергнуть, одолеть в борьбе.

Интересно, что летописец не посчитал нужным назвать имя этого юноши-простолюдина. Представлялось достаточным сказать о его профессии, которая вполне могла фигурировать в качестве прозвища равносильного нынешней фамилии. Вот точно так же осталось неизвестным имя другого киевского отрока, за четверть века до этого сумевшего выбраться из обложенного печенегами Киева и переплыть Днепр под градом их стрел, чтобы принести важную весть из осажденного города. Быть бы и нашему отроку безымянным усмарем, кожемякой, если бы совсем иная летопись не восполнила этот пробел и не сказала, что звали его Яном.

Обрадованный Владимир приказал немедленно послать за силачем-усмарем. А когда Ян прибыл в лагерь и предстал перед князем, тот поведал, какого великого подвига от него ждут.

В первое мгновение отрок смутился: «Княжне, не ведаю, по силам ли мне одолеть его... Испытай сначала меня».

Испытание для себя Ян выбрал сам. Он попросил отыскать сильного быка и разъярить его, прижигая раскаленным железом. Так и было сделано. А когда с налившимися кровью глазами быка выпустили на волю, Ян встал у него на пути. Смертельного удара рогами юноша избежал, ловко отступив в сторону, успев схватить быка за бок и вырвать кожу с мясом, сколько захватила рука его...

Иные специалисты утверждают, что рассказ этот – отзвук древнейших игр с быками, подобных тем, что породили испанскую корриду. Но в любом случае мы,

разумеется, не сможем не воспринять такой эпизод, как явно легендарную гиперболизацию силы киевского отрока. И тем не менее именно этот эпизод даст редчайшую возможность как бы ощутить живое дыхание загадочного процесса народного мифотворчества.

Летописец, конечно, сам ничего не выдумывал, а описывал только то, что считал фактом. Однако Нестор жил значительно позднее, чем Ян Усмарь. Подвиг юного киевлянина и запись о нем в летописи разделяют более ста лет, в течение которых имя героя жило в дружинных преданиях. Воины ревностно хранили память о героях былых времен. Но здесь вступили в свои права непреложные закономерности рождения легенды вокруг славного имени. Всегда и везде благодарная память народа наделяла любимых героев необычайной силой. (Вспомним образы наших славных богатырей.) И гиперболизация эта – искренняя дань народного восхищения, – возрастала прямо пропорционально истекшим годам и столетиям. Вот почему летописный рас-

сказ об испытании силы Яна Усмаря стал как бы интереснейшей моментальной фотографией самой начальной стадии сотворения легенды. Народное предание отметило всего лишь первое столетие своего существования. Его вполне реалистические штрихи еще не успели стереться и просматриваются четко, но рядом с ними уже успела возникнуть и такая чисто мифическая деталь: клочок вырванной мощными руками бычьей шкуры... Пройдет еще восемь столетий, в течение которых предание будет жить своей невидимой таинственной жизнью, и на территории Украины запишут теперь уже сказку о спасителе киевлян могучем Кожемяке. Сгинет бесследно великан-печенег, а его место займет ужасный Змий, напавший на Киев. Почти не останется уже былых подлинных деталей событий, но мы сразу же узнаем их даже в причудливых сказочных одеяниях. Вот герой, разгневавшись что его оторвали от работы, разом разрывает целых двенадцать кож, которые в то время выделявал... А вот, вступив в борьбу с чудовищем, валит его на землю, совсем как Усмарь своего противника-печенежина...

Сила и ловкость Яна Усмаря показали, что печенег будет иметь достойного соперника.

–Ты можешь с ним бороться! – воскликнул обрадованный Владимир и приказал дать Яну доспехи и оружие.

Отрок превратился в воина. А когда рано утром у реки снова послышались призывные крики кочевников, Ян с князем переправились на вражеский берег. Печенежский богатырь был велик, страшен и, конечно же, ожидал встретить противника себе под стать: такого же великана.

Увидев Яна, он громко захохотал. Должно быть, и впрямь рядом с гигантом отрок выглядел не слишком внушительно и даже забавно. Усмарь был среднего роста и телосложения («средний телом»), и ничто не выдавало огромной его силы.

Между полками размерили место для единоборства, и соперники пошли друг на друга. Наградой победителю этого «международного матча» X века была жизнь.

Крепко схватились они в привычном борцовском захвате, и оказалось вдруг, что великан ничего не может поделать со своим соперником. Ян, по словам летописца, «удавил печенежина в руках до смерти и ударил им оземь».

Тысячеголосый крик разнесся над полем брани. Кричали все: и русские, и степняки. Одни от ужаса и скорби, другие в грозном боевом азарте. Объятые страхом печенеги не выдержали и бросились в бегство, а киевляне, преследуя, рубили их. Опасный враг был побежден и изгнан. А на броне через Трубеж в честь памятного поединка Владимир заложил город, назвав его Переяслав, так как Ян «перейал» – перехватил славу у печенежского великана. Силача-простолудина князь вопреки всем обычаям приблизил к себе, сделал его «великим мужем». Не забыл и о его старом отце. В дальнейшем летописи рассказывают о Яне уже как о княжеском воеводе.

Не раз еще водил он киевские полки против печенегов. Войны неизбежно верили в его силу, мужество, боевое искусство и, вдохновленные примером, смело шли на смертельную битву. А на кочевников одно имя героя наводило ужас. Слишком хорошо помнили они устрашающую силу своего богатыря, павшего от руки Яна.

Едва ли усмотрим мы, люди конца двадцатого века, что-либо необычное в возвышении древнекиевского ремесленника: «Был достоин – вот и получил награду!» Но в действительности-то было это случаем из рядов выходящим. Возможным, быть может, только при Владимире благодаря широте его совсем не обычных для того времени демократических взглядов.

Князь отказался от наемников-варягов и построил военные силы на общерусской основе: брал в дружину людей даже самого низкого происхождения, ценил не родовитость, а их личные достоинства. И совсем ведь это не случайность, не благой вымысел сказителей, что рядом с «ласковым» князем Владимиром, знатным боярином Добрыней в былинах встает по тем понятиям смерд – крестьянский сын Илья Муромец сын Иванович.

«Напрасно исследователи... пытались доказать, что мужицкие, крестьянские черты появились у этого богатыря только лишь в XVI веке...» – пишет тот же блестящий знаток русской древности академик Рыбаков. – Однако историческую основу образа Ильи Муромца и первичных былин его цикла мы должны искать в русской действительности времен Владимира, когда князь нуждавшийся в воинах и боярах, переселял с Севера тысячи людей, а победителей в важных поединках делал из простых ремесленников «великими мужами», т. е. боярами.

Такова яркая история первого из известных сильнейших борцов прошлых времен – подлинного «чемпиона» Древней Руси конца X века – Яна Усмаря. Его необычайно колоритная фигура будет столетиями привлекать к себе внимание народных сказителей, художников, ваятелей. Первое из сохранившихся изображений героя мы находим еще в так называемой Радзивилловской летописи. На миниатюре Ян в одежде простолюдина, долгополой рубахе, гордо попирает ногой поверженного им богатыря. По одну сторону от него устремившиеся в бой киевляне во главе с Владимиром, по другую – бегущие прочь печенег. Внимание древнего художника вполне закономерно привлек момент победного завершения единоборства.

А вот живописцев русского классицизма, живших в конце XVIII – первой половине XIX века, заинтересует уже совсем иной эпизод: полное напряжения легендарное испытание силы отрока. Неудержимо мощное движение расвирепевшего быка, поспешно отпрянувших от него воинов, один из которых уже опрокинут на землю, и могучие, в крайней степени напряжения вздувшиеся мускулы силача-кожевника, схватившего быка, – все это видим мы на обширном полотне Григория Угрюмова, которому отведено одно из заметных мест в ленинградском Русском музее.

Оно так и называется «Испытание силы Яна Усмаря». Тот же самый сюжет для своей картины избрал Евграф Сорокин: «Ян Усмарь останавливает быка». И, пожалуй, это менее известный художник достиг в своей работе даже большего динамизма и остроты, чем Угрюмов. Одним из главных произведений ваятеля Бориса Орловского тоже стала выразительная скульптурная группа «Ян Усмарь», которую можно увидеть в залах Эрмитажа.

Мотив борьбы русского силача, задушившего вражеского богатыря в своих стальных объятиях, использовал в одной из своих работ и наш современник – самобытный художник Н. К. Рерих.

Разумеется, за несколько столетий истории не мало было в Древней Руси таких же сильных и искусных борцов, как Ян Усмарь. Быть может, иные даже превосходили его своей мощью и мастерством, но сегодня мы уже ничего-ничего не знаем о них.

Летописные сведения о борцовских схватках ограничиваются очень немногим. Все же остальное бесчисленное количество былых единоборств осталось за узкими рамками летописного повествования. Слишком малое дошло до нас, но еще меньше, чем о самих фактах борцовских поединков, известно нам о том, как росла и видоизменялась со временем наша национальная борьба, как складывались ее отдельные виды, техника и правила.

Едва ли стоит говорить о том, как это все интересно! Однако подобная задача будет, разумеется, потруднее предыдущей. Еще никто из этнографов или историков спорта не отважился ответить на все эти, совсем непростые вопросы. Они и по сей день остаются открытыми. Но в то же время по различным историческим источникам рассеяны, хотя редкие и отрывочные, но интереснейшие и ценные сведения о прошлом нашей борьбы.

Какой же она была – борьба? Борьбой в древности равно именовались и состязательные ради потехи схватки, и безоружные единоборства не на жизнь, а на смерть. Сближение этих двух различных понятий было отнюдь не случайным.

Даже «потешная» борьба ассоциировалась с боевой схваткой – и как противоборство двух сторон, и как акции, имеющие немало общих навыков и способов действия – приемов. Само слово «борьба» имеет тот же самый корень, что и «оборона», «оборонять», «брань», то есть «сражение». (Вспомните: поле брани, бранная слава.) Мы и сегодня называем борьбой не

только чисто борцовское, но и любое иное противоборство: борьба враждующих армий, борьба футбольных команд, борьба фехтовальщиков или боксеров.

Такое понимание борьбы широко распространено и характерно не только для нашего языка. Возьмите, например, осетинское название борьбы «кабышай хашт», что в дословном переводе означает «сражение в обхват». Здесь отразилась сама реальная действительность. Рукопашная схватка была сходна с борцовской в том виде, в каком эта последняя существовала в древности.

(Да и в самом слове «схватка» явно вырисовывается связь со схватыванием, борцовской схваткой.)

В сущности, именно такой и была в глубокой древности борьба, точнее, даже еще не борьба, а ее давняя предтеча. Единоборство, которое в былинах не зря именуют «борьба рукопашечная», действительно было безоружным рукопашным боем, в котором равно сочетались борцовские приемы с ударами не только руками, но еще ногами и головой.

Известно, что культура народов, стоящих на более низкой ступени исторического развития, во многих случаях позволяет довольно точно реконструировать то, что когда-то было и у народов, давно миновавших эту историческую ступень. Обратившись к борьбе, и поныне существующей в некоторых африканских племенах, мы найдем и такое спортивное единоборство, в котором все еще используются не только броски, но и удары кулаком.

Можно вспомнить ранний период истории английского бокса, когда наряду с ударами кулаком допускались и различные борцовские приемы. Да и в нашей собственной, отечественной практике в прошлом отмечались отдельные, так сказать, рудиментарные случаи, когда в борьбе допускалось нанесение ударов, а в кулачных боях использовались подножки, в принципе строго запрещенные как в борьбе, так и в кулачных боях.

Совместное, еще не разделенное использование приемов борьбы и кулачного боя тоже сближало в понимании наших предков боевые и состязательные единоборства.

При всей жесткости такой борьбы-боя и близости ее боевой рукопашной схватке без оружия она всегда велась с учетом того, что это всего лишь суровая, но потеха, а отнюдь не смертельный поединок. Повреждений, конечно, не могло не быть: даже современный спорт не свободен от травм. Но вот намеренно искалечить, а тем более убить партнера было явно предосудительно. В состязательном единоборстве была одна цель: нужно было всего лишь доказать свое преимущество над соперником, подчитать его своей воле.

Русская национальная борьба, хотя и сравнительно не давно, но уже успела уйти в прошлое, уступив место современным видам спортивной борьбы: классической, вольной, самбо и дзюдо. С борьбой случилось то же самое, что произошло, например, и с нашим национальным костюмом, бытовыми обрядами, которые в настоящее время существуют уже только в историческом аспекте.

Но для того, чтобы попытаться реконструировать древние формы нашей борьбы и проследить тысячелетний процесс ее развития, необходимо вспомнить, как выглядела она в своем окончательно сложившемся варианте в прошлом столетии, да и в первые десятилетия нынешнего. Борьба имела тогда три разновидности: на поясах, «в схватку» и «не в схватку». В различных местностях существовали свои особенности правил, но общие тенденции были таковы. В любом из трех видов борьбы состязающиеся боролись в своей повседневной одежде. Борьба «в схватку» и поясная были довольно близки друг другу. Как в первой, так и во второй броски с помощью ног запрещались, хотя иногда, по обоюдному уговору, могли и использоваться. Захват производился строго одинаково: так, чтобы не давать одностороннего преимущества кому-либо из борющихся. Одна рука, например правая, проходила под левой рукой партнера, а левая в этом случае приходилась поверх его правой.

При борьбе «в схватку» руки сцеплялись за спиной соперника, а в поясной делали захват за его пояс. Непосредственный захват за талию обеими руками под руками партнера – «под

силки» – считался нечестным, дающим неосновательное одностороннее преимущество. Отпускать захват в процессе борьбы не разрешалось. Были, конечно, и чисто местные различия в борьбе, даже сама она именовалась по-разному. Борьба «в схватку» называлась еще «обхват», «в крест», так как руки партнеров как бы перекрещивались, «в охапку», «сграбившись», т. е. «схватившись».

Борьба «не в схватку», имела более свободный характер как в применяемых захватах, так и в использовании бросков с помощью ног.

Победителем считался тот, кто бросил своего противника на землю. Борьба на земле не велась вообще или имела довольно ограниченный характер. Так, при борьбе «в обхват» недостаточно ловко поверженный борец мог вывернуться и подмять под себя соперника, который уже было торжествовал победу. Поэтому бытовало и такое условие, что партнера нужно было не только повалить спиной на землю, но и придержать его в таком положении, чтобы он не смог сразу же освободиться. Этим как бы фиксировалась победа. У белорусов для победы еще требовалось у поверженного на спину соперника развести руки в стороны, крестом, и прижать их к земле. Борьбы так и называлась «до крыжа», то есть – до креста. Такой старинный обычай как бы воспроизводил картину боевой схватки, где было необходимо безусловное подчинение повергнутого противника воле победителя.

Но какими же путями шла наша национальная борьба к своим окончательным вариантам?

В своем развитии борьба прошла несколько этапов. Общие тенденции развития борьбы были следующими: с одной стороны, выработка все новых и более совершенных технико-тактических действий и с другой – запрещение изустными правилами всего того, что могло угрожать жизни и здоровью борцов, причинять им боль или считаться «нечистой игрой» по тем или иным причинам.

Первым шагом в преобразовании «борьбы рукопашечной» и ее развитии стал отказ от использования в схватке любых ударов. По существу, именно с этой фазы и начинается история борьбы в точном смысле этого слова. Борцовское единоборство приобрело свое собственное лицо, отличное от кулачного боя. Теперь это схватка, в которой используются только броски, болевые приемы и в определенной степени удержания.

Размежевание борьбы с кулачным боем проходило, разумеется, не одномоментно. Это был достаточно долгий процесс, постепенно распространяющийся на все новые территории и племена. Потребовалось немало времени для того, чтобы запрет на удары в борьбе стал общепринятым законом, повсеместно вошел в обычай, который даже отразился в поговорке: «Борись – не дерись, станешь драться – будешь запираяться».

В результате такого «смягчения нравов» борьба что-то теряла в прикладном боевом отношении. Однако этот процесс был необходимым и неизбежным. Отказ от ударов открывал более широкие пути для развития борьбы в спортивно-состязательном направлении, для совершенствования уже чисто борцовской техники и тактики.

Этот первый шаг в развитии борьбы был сделан в такой глубокой древности, что не отразился не только в русской истории, но и вообще в истории древнеславянских племен. И несмотря на это, кое-что можно сказать и о том давнем периоде, когда наши пращуры провели первые «реформы», смягчавшие нравы, господствовавшие в борцовской схватке.

Прямых данных об этом, разумеется, нет, зато существуют весьма интересные косвенные, которые позволяют заглянуть словно в узенькую щелку, случайно оставленную нам беспощадным временем.

Известно, что физическая культура является частью общенациональной культуры народа. Вот почему, интересуясь прошлым борьбы, нам неизбежно придется обращаться не только к истории и этнографии, но еще и к таким, казалось бы, совершенно обособленным от спорта областям, как старинная архитектура, скульптура и даже филология.

Давая интервью для советского телевидения, индийский профессор филологии Чандра сказал, что всегда с удовольствием слушает русскую речь, так как встречает в ней немало слов, существовавших в древнеиндийском языке – санскрите. «Ведь у нас с вами общие исторические корни», – добавил он.

Не правда ли, странно? Уверен, что большинству из вас такое утверждение покажется удивительным. Действительно: откуда в современный русский язык могли попасть древнеиндийские слова? И вообще, какая общность может существовать между двумя нашими народами, столь различными и разделенными огромными территориями?

Представьте себе: вполне может и действительно существовала несколько тысячелетий назад.

Почти все европейские языки, а вместе с ними и древнеиндийский санскрит принадлежал к одной семье родственных индоевропейских языков. А это означает, как уверенно утверждают ученые, что все эти народы имели общих предков, произошли из одного общего племени. Большинство индоевропейцев осели в конце концов в Европе, но часть их обосновалась в Азии. Одно из индоевропейских племен – арии совершило далекий поход в индийские земли и завоевало их, внося большой вклад в замечательную культуру Индии.

У древних индийцев-ариев существовали книги, считавшиеся священными, – Веды, что означает «знание» (вспомните древнерусское «ведать», т.е. «знать»). Веды донесли до нас мифологию этого древнего народа и, разумеется, не обошли при этом молчанием такую насущную для того времени тему, как борьба. Именно с помощью хитроумных приемов борьбы боги ариев разрешали споры между собой и людьми. И хотя борьба эта представляет скорее не спортивное состязание, а нечто вроде судебного поединка, она уже имеет достаточно четко регламентированные правила. Если броски с помощью ног и болевые приемы на руки – рычаги и выкручивания суставов – считаются вполне допустимыми, то удары кулаком, удушения и захваты за волосы признаны уже нечестными формами борьбы. Хотя такого рода единоборство и именуется «борьбой богов», в действительности оно широко практиковалось как спорт среди «простых смертных» – воинов и преподносилось как отличное средство для развития тела.

Теперь вспомним, что славянские языки наравне с балтийскими даже в наше время из всех индоевропейских остаются наиболее близкими санскриту древних ариев. Вероятно, близость эта, восходящая к общим предкам наших народов, была несколько тысячелетий назад неизмеримо большей. И распространялась не только на язык, но на религию, мифологию и, естественно, на обычаи.

При таких условиях состязательные обычаи родственных праславянам ариев позволяют с достаточной долей вероятности предполагать, что и среди наших пращуров было принято нечто подобное. Таким образом, ориентируясь на Веды, можно считать, что запрещение применения ударов в борьбе наших предков имело место еще несколько тысячелетий назад и никак не позднее первого тысячелетия до нашей эры. Более точной датировки в данных условиях осуществить невозможно.

Весьма вероятно, что кроме ударов оказалось также запрещенным и удушение: прием не только опасный и грубый, но и всегда рассматривавшийся как типичная черта враждебной схватки не на жизнь, а на смерть. То же относится, пожалуй, и к болезненному захвату за волосы: «таскать за святые власы», как не без иронии определялся у нас испокон веку подобный «прием», считалось приметой заурядной бытовой драки, а отнюдь не состязательной честной борьбы.

Однако эволюция этого древнего вида народного спорта далеко не всегда имела характер равномерного поступательного движения по восходящей линии. Как в любом эволюционном процессе, здесь были и взлеты, и спады, и даже явный регресс. Случались такие бедствия, когда было просто не до состязаний. Гибли в кровавых и неравных сражениях умелые борцы, унося в могилу тайны своего мастерства. Забывались ловко отработанные приемы, да и бороться-то

было некому: среди страшно поредевшего населения почти не оставалось мужчин. Было так во времена гуннского и монголо-татарского нашествий...

Хотя на раннем этапе существования борьбы допускались произвольные захваты, однако на первое место вышел такой естественный захват, как обхват корпуса соперника спереди обеими руками. Теперь, уже не опасаясь ударов противника (особенно встречных), это было нетрудно сделать. Такой захват, в значительной степени инстинктивный, был достаточно простым, удобным, прочным и эффективным, так как позволял ограничить подвижность партнера и служил хорошим стартовым положением для проведения целого ряда бросков различного характера. Вместе с тем подобный захват являлся, как правило, обоюдным: каждый из борющихся стремился провести его. При этом, обхватив талию, борец стремился еще более усилить свой захват, перенес его на пояс партнера, если таковой имелся. А опояска, как правило, являлась старинной и неперменной частью славянской одежды. Карман еще «не изобрели», и к поясу крепилась сумочка и иные необходимые предметы.

Хватка за пояс давала большее удобство и прочность захвата, а вместе с тем и лучшие возможности воздействия на центр тяжести тела соперника при проведении броска.

Таким образом, в то время борьба «в обхват» и поясная еще не выделились в особые разновидности борцовского единоборства, а сосуществовали в едином виде. Был у партнера пояс – ухватывались за него, не было – ограничивались обхватом туловища. Так было не только у славян, ко и у других народов. Интересно, что в молдавской поясной борьбе «трыньтэ-дряптэ» выбор до сих пор предоставлен самому борцу: делать ли захват за пояс или, если это ему удобнее, просто обхватить партнера, сцепляя руки за его спиной.

Тем не менее использование пояса соперника для борцовского захвата было не только естественным, но и, так сказать, исторически неизбежным в любом виде борьбы при условии, что одежда борцов имела опояску. В махачкалинском краеведческом музее хранится старинный каменный рельеф из прославленного своими мастерами дагестанского аула Кубачи. На рельефе изображена борцовская схватка, причем один из борцов подпоясан, а другой – нет. Естественно, что последний сделал более удобный захват за пояс соперника, а его партнер, не имея такой выгодной возможности, вынужден бороться «в обхват».

Иные атлеты специально шли на эту хитрость: снимали пояс перед схваткой и тем самым ставили соперника в менее выгодное положение. Однако развитие русской, да и не только русской, борьбы неуклонно шло по пути обеспечения справедливых и равных условий для обоих состязающихся. Любая недобросовестность, хитрость решительно пресекались. Именно требование равенства и стало завершающим фактором в формировании особого самостоятельного вида борьбы – поясной, для которой пояс стал обязательным спортивным снаряжением. Вступая в такого рода схватку, борец, не имевший на своей одежде обычного пояса, обязан был подпоясаться специально для единоборства. Впоследствии возникли особые борцовские пояса: крепкие кушаки, а затем даже специальные широкие пояса с кожаными ручками по обоим бокам для удобства захвата. Пояс стал первым и, в сущности, единственным предметом специального борцовского снаряжения. Тем самым поясная борьба обособилась от близкой ей борьбы «в обхват», которая не требовала от борцов никакого специального снаряжения.

Стремление по возможности затруднить, лишить соперника возможности осуществлять прочные и удобные захваты за одежду, приводило в различных национальных видах борьбы к тому, что борцы обнажались до пояса или даже полностью. В ряде случаев шли еще дальше, смазывая тело маслом, как это практиковалось в Турецкой, персидской, азербайджанской и других видах борьбы.

Но если такие действия допускались правилами, то непременно распространялись на обоих борцов. Однако в русской борьбе ни одна из таких особенностей не привилась и, насколько известно, вообще никогда не практиковалась.

И борьба «в обхват», и тем более поясная борьба делали невозможным использование болевых приемов. Да и сами по себе попытки получить преимущество за счет причинения боли партнеру считались нечестными. Поэтому болевые приемы ушли из нашей борьбы так рано, что почти не находят отражения даже в самых древних произведениях фольклора и иных источниках.

Несомненный интерес представляет и еще один этап в существовании нашей борьбы. Это – запрещение подножек, под которыми понимались любые броски, выполняемые с помощью ног, как в поясной, так и в борьбе «в обхват». Подножка считалась приемом, недопустимым в честной борьбе. Нужно было сойтись по-мужски – грудь в грудь и одолеть соперника без предосудительных уловок. Подобное понимание честной борьбы было очень широко распространено. Запрещение подножек мы найдем в самых различных странах и у разных народов Запада и Востока в их национальных видах борьбы. Во Франции, давшей жизнь нынешней классической борьбе, которая долгое время так и именовалась у нас – французская. В молдавской борьбе «трыньтэ-дряптэ», в узбекской поясной борьбе «кураш» и ряде других.

Определить, когда именно был установлен запрет на подножки, конечно, уже невозможно. Нельзя даже установить, появился ли он только после выделения специально поясной борьбы или еще до этого. Писатель В. Д. Иванов, работающий в историческом жанре, предположил, что такой запрет существовал у наших предков уже в VI веке. В своем известном, уже экранизированном романе «Русь изначальная», действие которого проходит именно в эту эпоху, Иванов красочно описал состязательную схватку между ильменьским славянином Голубом и приднепровским – Ратибором. Писатель говорит: «Любимая забава для мужчин – борьба. Самому ли побороться, посмотреть ли, – одинаково хорошо... Ссоры не было, и борьба пойдет только на испытание силы. Борцам делить между собой нечего, кроме чести. Поэтому нельзя хватать за ноги и бить ногами, запрещено тело рвать и давать подножку. За шею братья можно, но не душить... Тут же объявились судьи, чтобы в увлечении никто не нарушил честных правил».

Действительно ли уже в такую давнюю эпоху могло существовать запрещение бросков с помощью ног? Нет оснований ни подтвердить, ни опровергнуть предположение романиста. Очень уж скудные сведения дошли до нас о тех давних временах.

Думается, впрочем, что писатель все-таки несколько осовременил и судейство, и правила древнеславянской борьбы в своем описании. Но вот запрет удушения уже в ту эпоху – это предположение вполне достоверное.

Решая вопрос о подножке, мы с вами, пожалуй, находимся в более выгодном положении, так как располагаем документальным подтверждением своих выводов. Время, о котором пойдет речь, – XII век, а памятник – не более и не менее как первое из дошедших до нас изображений русской борьбы и одни из первых борцовских сюжетов в средневековой Европе.

Если первое упоминание о нашей борьбе датируется 993 годом (Ян Усмарь), то первое изображение борцов отделяют от него целых два столетия. В 1197 году в столице Владимиро-Суздальского княжества – граде Владимире, на высоком берегу Клязьмы, было закончено строительство удивительного по красоте Дмитровского собора. Все наружные стены собора, являющегося памятником не только русской, но и мировой архитектуры, покрыты сплошным узорочьем белокаменной резьбы. Мастера сумели перенести на камень приемы древнерусской резьбы по дереву. Вполне понятно, что помещенные на церковных стенах барельефы изображают библейские и мифологические сцены, святых и князей. И среди этого множества канонических сюжетов один-единственный барельеф выглядит совершенно непонятно и противоречиво. Это изображение борцовской схватки. Не только необычность, но и противоестественность такой «греховной» спортивной сцены – игрища на стенах культового здания – специально отметил академик Б. А. Рыбаков.

Тщательность исполнения барельефа, казалось бы, позволяет сделать определенные выводы о правилах существовавшей и те годы борьбы. Но для того, чтобы получить право делать такие выводы, необходимо сначала определить, какой именно характер имеет барельеф: нужный нам реалистически бытовой или условно культовый, неизбежно игнорирующий, искажающий важные для нас действительные детали?

Последнее на первый взгляд представляется более вероятным. На церковной стене и сюжет должен быть религиозным. К тому же в Библии, представьте себе, действительно есть борцовская сценка. Речь идет о том, что патриарху Иакову противостоял в борьбе некто ему неизвестный. Борьба была очень долгой, необычайно упорной, но не давала преимущества ни одному из борющихся. И тогда соперник, не имея возможности одолеть патриарха в равной борьбе, коснулся его бедра и этим прикосновением искалечил ему ногу, оставив хромым на всю жизнь. Уходя, неизвестный сказал Иакову, что тот боролся не с кем иным, как с самим богом.

Известно, что Библия отнюдь не является неким божественным откровением, а в действительности всего лишь фиксирует отзвуки давным-давно минувших исторических событий. Естественно, что в ней, как и в индийских Ведах, нашла отражение популярность борьбы, на этот раз среди древних народов Ближнего Востока. И даже такой факт, что уже в ту эпоху существовали боевые приемы, способные причинить серьезную травму и вызвать хромоту. (Впоследствии цирковые профессионалы, оправдывая свою нечестность и грубость в борьбе, пошучивали, что первым запрещенный прием использовал еще сам господь бог.)

Борьба Иакова с богом или, как трактуют Библию теологи, не с самим богом, а всего лишь с его ангелом, не раз изображалась художниками различных эпох и стран, в том числе и нашими. Подобное изображение начала XIII века можно видеть на «Златых вратах» старейшего Рождественского собора в Суздале.

В церковном изобразительном искусстве сложились определенные традиции, свои каноны. Силы небесные должны были изображаться возвышенными и уж, конечно, совершенно отрешенными от суетных земных страстей.

Показать ангела в напряжении действительной борцовской схватки было вещью заведомо неприемлемой. Художник должен был изобразить не саму борьбу как таковую, а всего лишь своеобразный ее символ. Именно это мы и видим на «Златых вратах».

Для того чтобы один из борющихся не заслонил лица другого, художник представил их в некотором отдалении друг от друга, а отнюдь не в действительном, плотном борцовском захвате. На такой дистанции руки вообще не могут обхватить противника, поэтому кисти борющихся с неестественно выпрямленными пальцами спокойно лежат на боку соперника, словно поглаживая или похлопывая его. Ангел представлен как на иконах: в долгополых до земли одеждах, с крыльями и нимбом над головой.

Сопоставляя эту каноническую картину с владимирским барельефом, можно сразу же сказать, что борется там отнюдь не ангел, а самый простой смертный, не имеющий ни крыльев, ни обязательного нимба. Одежда борющихся состоит из простых опоясанных рубаш длиной до колена, и с вышивкой по кромке подола, обычных в быту простолюдинов. Сценка на барельефе и впрямь не религиозная, а чисто бытовая. Присмотримся к ней повнимательнее.

Взявшись за пояса друг друга, борцы наклонились вперед и сошлись грудью в грудь так, что голова приходится над плечом соперника. Ноги для большей устойчивости немного согнуты в коленях, и одна нога выставлена вперед. Во внешне статичных позах борцов чувствуется их мощь, готовая вот-вот взорваться красивым внезапным броском. В общем, это типичная картина схватки наших поясных борцов, какой она сохранилась и в последующие века. Такой ее увидел в XIII столетии побывавший в России английский художник Джон-Августин Аткинсон, а и прошлом веке – его русский коллега И. С. Щедровский. Оба запечатлели крестьян, борющихся по тем же самым правилам, что и борцы с владимирского барельефа.

Что же это за правила? И что дает нам основания судить о тех правилах, по которым боролись добрые молодцы в XII веке? Подобную возможность предоставляет та безусловно реалистичная манера, в которой выполнил барельеф талантливый, но безвестный древний художник. Ничего не изображает он условно, приблизительно, любая деталь у него правдива и полна значения. И сразу бросается в глаза, как близко поставлены ноги одного борца к ногам другого. Такое возможно только при условии, что борющиеся не опасаются подножек. Ведь в тех видах борьбы, где допустимы подножки, борцы стараются обезопасить себя от таких бросков, отставляют ноги назад, подальше от ног партнера. Вот почему можно уверенно утверждать, что ко времени создания барельефа на Дмитровском соборе на Руси уже широко практиковалась поясная борьба, в которой были запрещены броски с помощью ног.

Однако, несмотря на это ограничение, в распоряжении борцов находился достаточно большой арсенал бросков. Из положения захвата за пояс, как, впрочем, и при борьбе «в обхват», можно было делать различного рода сбивания за счет неожиданных и резких рывков в сторону, лишавших соперника равновесия. При этом учитывалось направление усилий партнера и положение его наименьшей устойчивости. После одного или нескольких обманных рывков делался основной – уже в противоположную сторону. Не на последнем месте был и силовой русский ломок, в том числе и с предварительным отрывом партнера от земли, начиная исполнение броска еще в тот момент, когда его ноги находились в воздухе.

Особенно мощные борцы просто вздымали соперника высоко вверх, и, перевернув на лету, бросали спиной на землю. Брала на «косую бедру» и еще – бросали «через голову». В современной борьбе этот прием с собственным падением получил более точное название «бросок через плечо». Отклоняясь назад и в сторону (например – в левую), отрывали партнера от земли, как бы стараясь перебросить его через свое левое плечо. Затем, не прерывая движения, начинали падение на землю вместе с соперником. Уже падая, нужно было повернуться так, чтобы уложить его спиной на землю, а самому упасть на него или рядом с ним на левое плечо. Были, говорят, и такие силачи, которые делали этот бросок без собственного падения, за счет только одного мощного «взмаха» партнером.

Можно было сделать и «мельницу» (но совсем не ту, что в современной борьбе). Оторвав соперника от земли, начинали кружить его вокруг себя, переступая на месте. Когда же его тело приобретало достаточную инерцию и он уже не в силах был ничего сделать, неожиданно переворачивали его и укладывали на лопатки.

Вот такими были эти два старейших вида борьбы – «в обхват» и «поясная», что же касается третьего – «не в схватку», то рассказ о нем впереди.

«Не начать ли нам, братья, старыми словами тяжкую повесть о сражениях Игоря, Игоря Святославича? И пусть начнется эта песнь по былям сего времени, а не по замыслению Бояна. Ибо вещий Боян, если хочет творить песню в чью-то честь, то растекается мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Ибо, как говорит он, помнит первых времен междоусобицу.

Пускает он тогда десять охотничьих соколов на стаю лебедей, и которая лебедь первой настигнута, та и песнь поет старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарезал Редю перед косожскими полками...»

«Слово о полку Игореве»

(Перевод с древнерусского сделан автором настоящей книги.)

Глава третья. Иже зарезал Редедю

В зале Русского музея в Ленинграде, где выставлено полотно Угрюмова «Испытание силы Яна Усмаря», экспонируется и еще одна картина, рассказывающая об ином старинном борцовском единоборстве не на жизнь, а на смерть. Она принадлежит кисти ученика Угрюмова Андрея Ивановича Иванова, известного художника начала прошлого века, профессора Академии художеств. и называется «Единоборство Мстислава Удалого с Редедей». Это обширное полотно, исполненное в традициях классицизма, где борющиеся изображены полуобнаженными, подобно греческим атлетам, а летящая аллегорическая слава возлагает лавровый венок на голову победителю Мстиславу. И конечно же, не случайно обратился художник к этому героическому эпизоду из истории Древней Руси именно в 1812 году, когда на полях России шла борьба с непобедимой доселе армией Наполеона.

Это тот самый Мстислав, о воинской доблести которого пели славный древнерусский бард Боян и гениальный анонимный автор «Слова о полку Игореве».

«Напомянуть юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине...» – этими словами польского поэта Ю. Немцевича поэт-декабрист Кондратий Рылеев открывал свою патриотическую книгу исторических стихотворений «Думы», изданную в год восстания и переизданную через тридцать пять лет Вольной русской типографией Герцена и Огарева в Лондоне. Наряду с поэмой о Ермаке, обратившейся в любимую народом песню, было в «Думах» и стихотворение «Мстислав Удалый». А. С. Пушкин в эпилоге к «Кавказскому пленнику» вспоминает «Мстислава древний поединок» и говорит о своем намерении написать поэму о Мстиславе. В 1822 году поэт составил подробный план поэмы «Мстислав», и можно только сожалеть, что план так и остался неосуществленным...

Что же представлял собой князь Мстислав, чья личность с таким постоянством привлекала внимание наших одареннейших поэтов и художников?

Мстислав жил в конце X – начале XI века и был одним из дюжины сыновей князя Владимира от разных жен.

Еще при жизни Владимир распределил русские княжества между сыновьями, но после смерти отца между братьями тут же вспыхнула кровавая междоусобица, стоившая жизни и им самим и множеству их воинов. Враждовавшие князья для увеличения своих сил всячески старались привлечь на свою сторону иноземные рати: печенегов, варягов, поляков, которые беззастенчиво притесняли, грабили и убивали мирных жителей.

Победителем в междоусобной борьбе вышел Ярослав, который впоследствии заслужил прозвание Мудрый. Вскоре, однако, выяснилось, что борьба еще не закончена.

Против победителя выступил его младший брат Мстислав, княживший в Тмутаракани.

Долго пришлось гадать историкам, прежде чем смогли они точно установить местонахождение этого легендарного древнерусского княжества. И неспроста в нашем языке словом «тмутаракань» до сих пор называют очень отдаленную местность, «край земли». Было это очень отдаленное и отрезанное от других русских земель враждебной печенежской степью княжество, основанное еще воинственным Святославом после сокрушительного разгрома им хазар.

Располагалось оно по обе стороны Керченского пролива: на восточной оконечности Крыма, и главным образом в западной части нынешнего Краснодарского края, где на берегу Таманского залива и стоял сам город Тмутаракань. Это был оживленный торговый порт, важный стратегический пункт и один из древнейших центров русской культуры.

Удаленность Тмутаракани и окружение ее со всех сторон чужими, нередко враждебными, землями, определила немаловажную особенность княжества. Сюда, в далекий и опасный край

стекались лихие удалыцы, искатели приключений и все, кто был чем-то недоволен или обижен в стольном Киеве. Обитатели Тмутараканской земли отличались смелостью и воинственностью, без которых едва ли можно было выжить в подобных условиях.

Под стать своим воинам был и князь Мстислав, которого недаром называли Храбрым.

Летопись оставила нам такое описание князя: «Был же Мстислав дороден, краснолиц, с большими очами, храбр в сражениях, милостив, любил дружину без меры, имения своего для нее не щадил, ни в питье, ни в пище не отказывал ей».

Во вспыхнувшей междоусобице Мстислав поначалу не принимал участия, так как вел войну с касогами (к событиям этой войны мы еще вернемся). Но, одолев касогов, Мстислав пошел походом в Приднестровье. Ярослав, готовясь к войне, послал за море нанять дружину варягов, которые были опытными, отважными и совершенно беспощадными воинами. В Западной Европе их называли норманами, и, бывало, служили молебны: «Спаси нас, Господи, от меча нормана!»

И вскоре на помощь Ярославу в Новгород прибыла сильная варяжская дружина во главе с их предводителем – Якуном в богатом златотканом плаще. Вместе с ними Ярослав двинулся к Чернигову, спеша изгнать оттуда уже обосновавшегося в городе своего брата, ставшего вдруг его врагом.

Мстислав, узнав о приближении войска Ярослава, выступил ему навстречу. Враждующие рати встретились неподалеку от Чернигова – у Листвена...

Несколько лет назад на экранах шел исторический фильм «Ярослав Мудрый». Есть там и эпизод, повествующий о вражде главного героя с Мстиславом, но решил его сценарист в явно облегченном, «розовом» варианте.

Ярославу якобы удалось уговорить брата не вступать в битву, хотя Мстислав долго не соглашается и все время драчливо восклицает: «Значит – сеча?!»

Нет, в действительности все было далеко не так просто и благостно. Не было переговоров, приведших к миру. Жизнь предпочла совсем иной, безжалостный сценарий: была битва и очень жестокая, а руку дружбы после нее протянул брату не Ярослав, а именно Мстислав Храбрый.

Не легко понять, зачем потребовалось такое искусственное, вопреки фактам, «улучшение» образа князя, который и без того был выдающимся государственным деятелем, несмотря на то что лежала междоусобица и на его совести. Мудрый правитель и неутомимый просветитель, он страстно любил книги, по словам летописца, «читая их часто и ночью и днем». Но как полководец он, вероятно, сильно уступал Мстиславу. Их отец Владимир, конечно же, не случайно выделил Тмутаракань именно Мстиславу. Он знал, кого лучше всего послать княжить в это опасное отдаленное княжество...

Еще с вечера Мстислав исполчил свою рать. Хорошо зная мощь наемников-варягов, князь, как опытный военачальник, заранее предугадал намерения врага. Варяги – главная ударная сила – встанут, как обычно, в центре

боевого построения – в «челе» – и будут стараться рассечь его рать надвое, а затем уничтожить ее. Вместе с тем он отлично знал, что именно следует противопоставить этому их намерению. В «чело» против варягов он поставил воинов-северян из Чернигова, а главные силы – свою дружину расположил на левом и правом крыле, чтобы обрушиться на варягов с обеих сторон, когда те увязнут в сече с северянами. (В современном военном искусстве это называется окружение противника с помощью сильных флангов, на основе неравномерного распределения сил по фронту.)

Наступила темная грозовая ночь. Лил проливной дождь, когда Мстислав приказал воинам: «Пойдем на них». Тетивы луков сразу же намокли, потеряли упругость и отказались служить. Враждующие рати сошлись, и во тьме закипел беспощадный рукопашный бой. Вспышки

молнии на мгновение освещали поле боя. И необыкновенно четко становились вдруг видными красные миндалевидные щиты русских и плотно сомкнутые овальные варяжские щиты.

В темноте стоял великий шум и гром бешеной битвы. Трещали ломающиеся копья, скрежетала остро отточенная сталь мечей о кольчуги, гремела о шеломы. Глухо стучали боевые топоры, вонзаясь в дерево щитов и расщепляя их. Крики раненых смешивались с русскими и варяжскими яростными ругательствами и проклятиями. И все это заглушали внезапные громовые раскаты.

«... и схватились северяне с варягами, – эпически бесстрастно вещает летописец, но в повествовании его явно угадывается затаенная насмешка над незадачливыми наемниками, – и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов». Не выдержав неожиданного натиска с трех сторон: с фронта и флангов, непобедимые варяги были разбиты наголову и спасались бегством. Видя полное свое поражение, Ярослав тоже бежал вместе с Якуном. «... и Якун тут потерял свой золотой плащ».

Варяги, которым удалось спастись и остаться живыми, немедленно ушли с Якуном за море, а Ярослав пришел в Новгород и не без опасения ждал дальнейших сражений. Однако победитель вовсе не собирался продолжать кровопролитие. Совсем наоборот: он послал Ярославу предложение о мире: «Садись в своем Киеве: ты, старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра».

Не вдруг решился Ярослав возвратиться в стольный Киев. Боялся «братского» подвоха: уж очень часто тогда случались вероломные братоубийства среди князей. Однако между этими оставшимися в живых сыновьями Владимира установился прочный мир на благо всей Руси. «И начали жить мирно и в братолюбии, и затихла усобица и мятеж, и была тишина велика в стране». Добрые результаты не замедлили тут же сказаться: русские земли, захваченные соседями в годы междоусобия, были немедленно возвращены совместным походом помирившихся братьев...

Вот теперь, когда мы знаем, что представлял собой князь Мстислав Владимирович, можно вернуться к его знаменитому поединку с Редедей, так восхитившему современных ему бардов и поэтов, живших восемьсот лет спустя.

Касоги, как называли тогда черкесов, были ближайшими соседями Тмутараканского княжества на юго-востоке по нижнему течению Кубани. (Когда Мстислав пошел на Ярослава в его рати были и касожские воины.) Издавна они сохраняли контакты с восточными славянами, но случались и столкновения, как это, к сожалению, нередко бывало тогда между соседями.

Так произошло и на этот раз. В 1022 году Мстислав пошел походом на касогов. Узнав об этом, касожский князь Редедя двинулся ему навстречу. Противники встретились где-то в западных отрогах Кавказских гор.

По мнению некоторых ученых, наш славный бард Боян начинал свою поэтическую деятельность в Тмутаракани при дворе князя Мстислава. Более того, считается, что он сам участвовал в походе на касогов и был очевидцем полного драматизма поединка Мстислава с Редедей. И что именно песни Бояна легли в основу летописной статьи об этом единоборстве. Что же мог увидеть тогда певец, стоя в плотных рядах русской рати?

Готовясь к битве, полки стояли в долине на расстоянии чуть большем полета стрелы друг от друга. В ярком южном солнце блестели начищенные шеломы и кольчуги. Впереди каждой рати, как это было тогда принято, располагались князья. Мстислав привычно сидел в своем золоченом седле в окружении ближайших боевых помощников. Поблескивал побывавший во многих сечах княжеский шелом со стальной личиной, прикрывавшей, словно полумаска, верхнюю часть лица.

Напротив Мстислава, на другом конце поля, широкоплечий великан Редедя восседал на породистом тонконогом скакуне, который все время переступал на месте, словно пританцовывая.

Еще совсем немного, и, послушные воле своих князей, опутив острые копья и прикрывшись щитами, обе рати ринутся с яростным боевым кличем навстречу друг другу. Но вот, тронув поводья коня, Редедя один выехал к тмутараканским полкам и зычно прокричал Мстиславу:

– Чего ради губить нам в битве свои дружины?!

Лучше сойдемся с тобой да поборемся сами. Если одолеешь ты, то возьмешь все мое богатство, и жену мою, и детей моих, и мою землю. Если же одолею я, то возьму все твое.

– Да будет так, – кратко ответил Мстислав, понимавший по-касожски.

– Но не оружием станем биться, но борьбой, – снова прокричал касожский князь...

О Редее до нас не дошло никаких сведений, кроме его имени. Впрочем, оказывается, что и само его имя тоже может кое-что сказать нам. «Редедя» – на местном языке означало «воин». (Об этом еще Пушкину сообщил его кавказский знакомый Шора-Бекмурзин Ногмов.) Назвали ли так касожского князя за его воинственность или само имя стало со временем нарицательным, обозначая воина, но ясно, что противник Мстислава был опытным, могучим и смелым воином. Его предложение решить спор самим, не проливая крови, отличалось замечательным благородством. Хотя, безусловно, рассчитывал он на свою мощь, будучи уверенным, что явно превосходит в силе Мстислава. Да и борцом, вероятно, Редедя был отличным.

В «Слове о полку Игореве» есть такое не совсем ясное выражение «тмутараканский болван», т. е. истукан, идол. Имея в виду популярность борьбы у народов Кавказа и бытующее там в различных вариантах слово «палван» – в смысле сильный борец, один из исследователей расшифровал это выражение как «тмутараканский палван». И объяснил, что это могло быть высеченное из камня изображение какого-то местного богатыря – сильнейшего борца. При этом ученый сослался в качестве примера именно на Редедю – мощного и искусного борца, за плечами которого должна была быть не одна победа и борцовских поединках...

Приняв вызов, Мстислав спешил и передал поводья отроку – младшему дружиннику. Снял шелом, расстегнул и снял широкий пояс, на котором висел его испытанный булатный меч, тоже отдал отроку и быстро двинулся навстречу касогу, уже шедшему на него от своей рати.

Князья сошлись в середине просторной долины, разделившей их полки, и закипела между ними жестокая схватка. Кондратий Рылеев так описал это беспощадное единоборство:

«Хранят молчание два строя. Но души воинов в очах:

Смотря по переменам боя

В них блещет радость или страх...

И вот князья, напрягли силы,

Друг друга ломают, льется пот...

На них, как верви, вздулись жилы;

Колеблется и сей и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут.

Колена крепкие дрожат

И мышцы сильные трепещут,

И искры сыплются от лат...»

Борьба была необычайно упорной и очень долгой. Наконец, мощь Редеди начала давать о себе знать: Мстислав чувствовал, что изнемогает в этом непосильном, неравном единоборстве. И тогда он, как говорит летопись, воскликнул: «О, пречистая Богородица, помоги мне! Если одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И тотчас последним, невероятным усилием швырнул великана-касога на землю. В то же мгновение выхватил из-за голенища засапожный нож и нанес смертельный удар ошеломленному падением врагу...

Нам, современным людям, воспринимающим этот смертельный поединок всего лишь подобием современной спортивной схватки, конечно, хотелось, чтобы Мстислав этак по-рыцарски пощадил побежденного касога. Но, увы, это было совершенно невозможно. Поединок был смертельным, и не в переносном, а в самом безжалостном, буквальном смысле слова. Сами условия единоборства означали, что из соперников в живых останется только один – победитель. Обоим им уже не оставалось места на земле. Ведь только в этом случае победитель мог завладеть не только землей и богатствами побежденного, но даже его женой и детьми. Борьба в данном случае просто-напросто заменяла сражение, оставив точно таким же смертоносным сам исход поединка. В соответствии с уговором Мстислав выиграл борьбу и осуществил свое жестокое, но неизбежное право победителя: убил врага.

Нельзя забывать и о том, что Мстислав был уже на пределе своих сил, а оставь он в живых поверженного Редеду, тот смог бы еще продолжать сопротивление даже лежа на земле или тут же вскочив на ноги.

Летописец говорит, что тмутараканский князь и далее поступил согласно уговору: взял все богатство Редеди и наложил на касогов дань. А возвратившись домой, Мстислав воздвиг в ознаменование своей победы церковь святой Богородицы, фундамент которой уже в наше время обнаружили археологи на месте древней Тмутаракани.

Итак, летописи донесли до нас всего лишь два описания безоружных боевых единоборств: Яна Усмаря и Мстислава Храброго. Какое множество подобных славных эпизодов осталось за рамками летописного повествования, можно только догадываться. Впрочем, нередко на страницах истории угадываются как бы только общие контуры таких схваток, в которых без боевых приемов обойтись было просто невозможно. Так, бывало, издревле, уже с тех давних времен, когда еще не сформировались как народы русские, украинцы, поляки, чехи, сербы, а существовали лишь отдельные племена наших предков – древних славян...

Середина VI века. Прошло всего полстолетия, как славянское племя полян обосновалось на днепровских кручах, где встанет затем их стольный град Киев – мать городов русских. А в византийском войске, ведущем осаду одного из городов Римской империи, занятого германцами-остготами, уже действует и военный отряд славян.

Прославленный полководец, магистр византийской армии Велизарий взял город в крепкое кольцо, окружив его своими укреплениями: глубоким рвом и валом. Вырваться из осады готы уже не способны. Единственно, что они могут – это тайком по ночам выходить из-за стен крепости на разведку. Или еще для того, чтобы в нешироком пространстве, отделяющем их от врага, потихоньку собрать валежник, так как дров для приготовления пищи у них уже давно нет. Однако сопротивляются осажденные отчаянно, и это не может не беспокоить Велизария. Ему необходимо точно знать обстановку в осажденном городе и возможности его защитников. Вот почему в походном шатре магистра стоит рослый воин-славянин и внимательно слушает «толмача», который переводит ему приказ Велизария: в эту же ночь идти к стенам крепости и во что бы то ни стало взять языка.

К разговору со славянином внимательно прислушивался секретарь магистра Прокопий, и как только они остались с полководцем в шатре одни, Прокопий обратился к нему с вопросом: «Скажи, Велизарий, почему ты прикатал взять языка именно славянину? Это была случайность?»

– На войне и так слишком много случайностей, чтобы полководец мог допускать их в своих приказах, – улыбнулся Велизарий. Он знал, что его секретарь ревностно собирал материалы, чтобы написать историю войн Византии с варварами. В первую очередь войн, которые вел он – Велизарий.

– Не должен ли я понять тебя так, что ты предпочитаешь славянских воинов грекам-византийцам?

– снова допытывался Прокопий.

– Конечно же, нет! Славяне, правда, отважные бойцы.

Они очень быстро научились владеть нашим, непривычным для них оружием и владеют им отнюдь не хуже византийцев. К сожалению, даже лучше. Но ведь они же совершенно незнакомы с нашим военным строем, не владеют нашей сложной осадной техникой. Это всего лишь иррегулярная армия варваров. Но вот если возникнет необходимость сходить в разведку, и особенно взять языка, то, поверь мне, здесь славяне вне всякого сравнения. Они отлично умеют спрятаться даже за небольшим камнем или за первым кустом и неожиданно схватить неприятеля.

Вот поэтому-то, Прокопий, в подобных делах я решительно предпочитаю славян всем другим.

Едва ли мог предполагать средневековый византийский историк, что его труды будем читать и мы, дальние потомки тех самых варваров-славян, воинской доблести которых он дал такую высокую оценку. И, читая, будем понимать, что выполнение такого рода разведывательных «спецзаданий» было возможно лишь при высоком умении славянских воинов справляться с врагом без оружия, голыми руками.

Путешествуя по страницам наших летописей и сказаний, мы тоже не раз встретим упоминание о том, «то на поле боя русские воины умели врагов «поясти руками»,

то есть захватить в плен не силой оружия, а ловкостью и силой своих рук, «взять голыми руками», обезоружить, точно так же, как и в сложных, опасных условиях умели под самым носом неприятеля «язык изымать». Совершенно очевидно, что требовалась здесь не только храбрость, сила и ловкость, но и еще особый навык: знание каких-то специальных «ухваток» – приемов безоружного рукопашного боя. Тех самых приемов, которые сегодня мы не совсем точно именуем приемами самозащиты.

Под 1170 годом летописец записал о победе русской рати: «настигша Половцев в Черного леса, и ту притиснувшие к лесу, избиша е, а ины руками изоимаша», то есть часть врагов обезоружили, скрутили и взяли в плен.

Год 1396-й. Карелы с поселений, принадлежащих Новгороду, «приобижены с немецкой стороны». И сейчас же на «свейских немцев», грабивших и убивавших карел, двинулся во главе новгородской дружины и карельского ополчения князь Константин Белозерский. Он погнался за шведскими разбойниками и «язык изыма, приела в Новгород».

В канун славной Куликовской битвы отряд из пятерых русских разведчиков получил приказ двигаться навстречу неприятелю и взять языка, но не простого воина, а достаточно осведомленного военачальника. Оторвавшись на сотню верст от своего войска и приблизившись к самой ставке Мамая, разведчики незамеченными долго выжидали удобного случая. И наконец двоим из них – Петру Горскому и Карпу Александровичу удалось выследить и скрутить нужного им пленника из свиты самого хана, да так ловко, что никто из врагов даже не успел ничего заметить. А ценный «язык» дал Дмитрию Донскому возможность строить свои боевые планы с точным учетом необходимых сведений о неприятеле.

Рассказывая о взятии Казани, летописец пишет о жесточайшей рукопашной схватке: «в теснотах резались ножами». И конечно, в узких улочках пошли с обеих сторон в ход не только ножи, кинжалы, но еще и захваты за руки, обезоруживания, удары, броски, болевые приемы...

И еще – из сказания об опытном воине, великом князе владимирском Андрее Боголюбском. Тихой июньской ночью 1174 года по каменным ступеням винтовой лестницы в башке княжескою замки в Боголюбове осторожно, стараясь не шуметь, поднимались вооруженные мечами и копьями люди. У дверей опочивальни князя Андрея Боголюбского они приостановились и чутко прислушались к ночной тишине: все спокойно. Значит, никто не подозревает о задуманном вероломном убийстве, и никто не помешает им. Князь спит один, а его оружие предатель-слуга еще загодя тайно вынес из опочивальни. Высадить дверь было минутным делом, и вскочивший с постели Андрей уже окружен вооруженными изменниками. Но одинокий и

безоружный князь, осыпaeмый со всех сторон ударами, вовсе не подумал просить пощады. Бывалый воин, он с голыми руками отважно вступил в эту, такую неравную и последнюю в его жизни схватку. Уже раненый, уклоняясь от ударов вражеского оружия, он ловким приемом обезоружил близстоящего изменника и так сноровисто рубился с толпой заговорщиков, что, уходя, пришлось им одного своего товарища даже уносить на руках...

Когда через восемь столетий археологи вскроют его каменный саркофаг, то увидят на скелете князя многие следы рубленых и колотых ран. Но свою жизнь Андрей продал дорого. Убийцы ощутили на своей шкуре мощь ударов его меча.

А вот битва на Альте 1018 года, одна из жесточайших битв злосчастной княжеской усобицы: Ярослав Мудрый против своего брата Святополка. Летопись говорит о ней так: «...и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси. И за руки хватаясь, рубились и сходились трижды, так что кровь текла по низинам».

Что же стоит за этими словами – «за руки хватаясь»?

Дело в том, что приемы широко использовались не только в безоружных единоборствах, но и в схватках вооруженных противников, где фехтовальные атаки активно дополнились ударами нога, подножками, а левая невооруженная рука проводила сковывающие захваты и обезоруживание.

В вооруженной рукопашной схватке было очень важно хотя бы на секунду лишить врага подвижности, ошеломить его неожиданным захватом. И если левая рука не была занята щитом, то, блокировав своим мечом удар меча противника, можно было тотчас захватить левой рукой его

вооруженную руку за запястье и обрушить на него клинок меча или даже обезоружить его. С той же целью проводились захваты за одежду или даже... за бороду, которую тогда носили все. Сейчас подобный захват выглядит для нас откровенно комическим, однако его можно видеть на многих изображениях, относящихся к самым различным временам и народам. Утверждают даже, что Александр Македонский приказал своим воинам брить бороды, чтобы лишить врагов возможности использовать в бою столь выгодный для них захват.

В безоружных же боевых поединках при возможности широко использовались привычные по состязательным схваткам борцовские приемы. Ян Усмарь взял печенег на обычный борцовский захват поперек туловища, но при этом за счет огромной силы задушил врага в своих объятиях, сломав ему ребра. Казалось бы, безобидная борьба «в обхват», а обратилась в смертельную схватку.

Нужно заметить, что таким же исходом заканчивались своего рода дуэли – судебные поединки, если они проходили без оружия, и даже чисто состязательные схватки, когда победа слишком много значила для борцов, и особенно для престижа их повелителей. Например, при состязании борцов из различных стран.

Один из таких трагических «международных матчей» двух славянских борцов описал известный польский исторический романист Генрик Сенкевич в романе «Крестоносцы». При этом писатель счел нужным специально отметить в примечании, что эпизод этот отнюдь не вымышлен им, а заимствован из исторических хроник.

Польский король Казимир III Великий гостил у короля Карла I Чешского. Гостям показали невероятно сильного борца. Карл очень уж похвалялся своим силачом, который в присутствии гостей облапил и задавил подряд двух медведей голыми руками. Тогда польский король, желая доказать, что его подданные отнюдь не слабее, предложил чеху побороться с одним из рыцарей его свиты. Это был Станислав Цёлик, сын мазовецкого воеводы Анджея. Год рождения Станислава – Сташко – точно не известен, а умер он, уже став подканцлером и епископом в 1437 году.

Сенкевич пишет: «Наш король очень был озабочен, как бы не пришлось ему уехать с позором. «Мой Цёлик, – сказал он, – не даст себя посрамить». Порешили через три дня устро-

ить единоборство. Понаехало знатных дам и рыцарей, и через три дня во дворе замка схватились чех с Целиком; только, не долго они поборолись, потому не успели схватиться, как Цёлик сокрушил чеху хребет, переломал ему ребра и к великой славе короля только мертвым выпустил из рук». За победу в этом печальном единоборстве Сташко получил прозвище Сокрушителя. Вероятно, помогла ему не только огромная природная сила, но и борцовская сноровка, которая дала возможность первым обхватить чеха поперек туловища под руками и не позволить тому сделать то же самое. В противном случае исход поединка мог бы быть и иным...

Еще более широкое применение в рукопашном бою находили подножки и другие броски с помощью ног из арсенала борьбы «не в схватку». Совершенно естественно, что арсенал безоружных единоборств кроме обычных борцовских приемов включал еще и специально выработанные – боевые, сочетаемые с ударами. Такие действия вели уже не просто к повержению противника на землю, а к его полному обезвреживанию, подчинению своей воле, а при необходимости – и к уничтожению.

В одной из былин описан такой эпизод. Могучий Иванище «хватил» кулаком вражеского воина «под пазуху», вытащил погана во чисто поле и начал у погана доспрашивать». Здесь для захвата языка был применен мощный удар в солнечное сплетение, лишивший врага возможности сопротивляться, нокаутировавший его.

В былинах вообще проявляется значительно больший интерес к описанию непосредственно приемов, чем в летописях. Летописцы, конечно, меньше всего заботились о том, чтобы рассказать, какими именно приемами побеждали русские воины своих врагов в безоружных схватках. Как и все историки, они описывали лишь сами исторические события. И все же, внимательно вчитываясь в текст, можно иногда рассмотреть хотя бы, так сказать, общие контуры приема. Например, в летописи Нестора можно увидеть, что, описывая одно из единоборств, он говорит там не о чем ином, как о приеме обезоруживания. Больше того – можно даже реконструировать технику этого приема.

В монастыре у Нестора был друг по имени Ян Вышатич, сын воеводы и в прошлом сам опытный воевода. С его слов летописец описал немало важных исторических событий. Вышатич поведал своему другу и о том, как ходил он когда-то с дружиной к Белоозеру собирать для князя дань. А там в это время языческие жрецы – волхвы, пользуясь начавшимся голодом, подняли мятеж. Мятежники укрылись в лесу, и Ян с двенадцатью отроками – младшими дружинниками – пошел за ними.

В лесу один из мятежников внезапно бросился на Вышатича с топором и замахнулся, чтобы нанести смертельный удар. Ян, разумеется, был при оружии, но обнажить его времени уже не оставалось. Однако воевода и безоружным смело вступил в бой. В тот момент, когда топор приближался к цели и враг не мог ни остановить удара, ни изменить его направления, Ян стремительно отклонился так, чтобы лезвие секиры прошло мимо, не задев его. Нападавший, промахнувшись, как бы «провалился» вперед, потерял равновесие; и тут, используя невыгодное, неустойчивое положение противника, Вышатич ухватился за топориче и мощным рывком на себя вырвал его из рук мятежника. Еще мгновение, и тот снова утвердится на ногах и, в свою очередь, сможет избежать удара.

Но воевода не дал ему такой возможности: не тратя ни мгновения, чтобы перехватить топориче для рубящего удара лезвием, он сейчас же возвратным движением обрушил обух на голову врага.

Должно быть, в долгой боевой жизни воеводы это был далеко не единственный случай, когда, спасая свою жизнь, приходилось обезоруживать неприятеля и пользоваться его же оружием.

Описание боевых приемов, может, даже еще более подробное и интересное, мы находим и в других летописных сообщениях. Как это ни удивительно, но речь

пойдет об уже знакомом нам единоборстве Яна Усмаря с печенежским богатырем. Точнее – еще об одном варианте описания подробностей этой схватки, несколько отличном от рассказа Нестора.

В Малой Львовской летописи приводится, хотя тоже краткое, но уже явно отличное от всех остальных, сообщение о том, что в поединке применялись удары.

Большая же Львовская летопись рисует уже значительно более подробную и яркую картину боя.

О печенеге в ней говорится: «... человек толст и плечист, а возрастом (то есть ростом. – М. Л.) второй Голиаф, изыде и ста на середине, плещима и мышцами движущи». Замечание летописца о толщине печенега весьма показательно. Дело в том, что печенеги являлись тюркоязычным народом, а из древних тюркских сказаний не трудно понять, что одним из критериев силы ба

тыра было... количество съедаемой им за один присест пищи.

Сойдясь в единоборстве, славянин и печенежский великан схватились в крепком захвате и начали бороться. Печенег старался использовать свое преимущество в росте и весе, но быстрота и ловкость юноши сделали свое дело. Удачно выбрав момент, он сумел нанести противнику сильнейший удар головой и сбил его на землю. «Удари крепко печенега в толстое чрево главой повыше лона его», то есть в солнечное сплетение. Печенежский великан, «не стерпев повалился». Однако тут же вскочил на ноги «и посрамлен сушь, лютым гневом и яростью разъярился, аки лев, и удари сильно кулаком». Но пудовый кулачище только со свистом рассек воздух там, где за мгновение до этого находилась голова увертливого соперника. «Лютого розмаху ради» гигант не устоял и, потеряв равновесие, всей своей многопудовой тушей ничком рухнул па землю. Но теперь уже, не дав ему времени подняться, юный славянин подскочил к поверженному врагу и сделал нечто похожее на современное удержание, оседлав печенега «аки коня». Из этого выгодного положения отрок сейчас же нанес несколько сильнейших ударов в челюсть. Говоря современным языком, он серией ударов отправил Печенежского Голиафа в глубокий нокдаун и тотчас сделал оглушенному врагу удушающий захват, который и завершил эту смертельную схватку...

Большая Львовская летопись сравнительно «молодая», и ко времени ее написания подвиг Яна уже слился в памяти потомков с целым рядом последующих таких же героических схваток и обрел их подробные детали.

Впрочем, для нас с вами это уже не имеет особого значения. Ведь имеем мы в Львовской летописи интереснейшее подробное описание какого-то действительного единоборства, имевшего место в древности. И показаны в нем не только подлинные боевые приемы поединщиков, но и тактическое построение схватки. Великан-печенег пытался задавить своего значительно более легкого противника весом и немалой силой в плотном борцовском захвате. Однако сообразительный юноша сумел перевести бой в выгодное для себя тактическое русло. Значительно более быстрый и ловкий, он сорвал захват и повел схватку, удачно используя свои сильные стороны, равно как и отсутствие у массивного противника достаточной скорости как в движениях, так и, говоря современным языком, в реакции. Таким образом, единоборство являлось не простой борьбой «в обхват», а по-настоящему беспощадным рукопашным боем, в котором использовались разные средства: как приемы борьбы, так и различные действенные удары. Это, однако, нисколько не противоречило условиям схватки. Ведь понятие «борьба» в те времена включало любые безоружные боевые действия против врага.

Говоря по-современному, борьба была не только отличной тренировкой для воина, но и незаменимым подспорьем в рукопашной схватке вторым невидимым оружием для безоружного, оружием, которое всегда с тобой. Так повелось еще с давних лет: есть сведения, что при сборе войска или на привалах во время похода воины специально боролись между собой, определяя наиболее ловких, сильных и отважных, тех, кого можно в сражении поставить на самое

опасное и ответственное место – в первые ряды рати, чтобы отразить натиск врага и самим перейти в наступление.

И совсем не случайно в старинном сказании, повествующем об осаде в середине XVII века сильной крепости – восставшего Соловецкого монастыря, воевода так просит царя:

«Мне-ка дай ты силы много,
Мне стрельцов-борцов, солдатов»

Вероятно, лучше всего закончить эту главу многозначительными словами некоего Гваньини, выходца из Вероны, офицера польской армии XVI века. Он считал нужным специально и недвусмысленно предупредить о необходимости всячески избегать безоружного рукопашного боя с русскими воинами: «Сражающиеся с московитянами должны весьма умеючи действовать оружием, чтобы не попасть в руки их; ибо они весьма крепки плечами, руками и всем телом. Они столь сильны, что без всякого оружия, надеясь на одну силу свою, отваживаются сражаться со свирепыми и неукротимыми медведями и, схвативши их за уши, дотоле утомляют их, доколе сии последние не упадут на землю».

«Мосхи весьма способны переносить всякого рода трудности, так как их тела закалены от рождения холодом. Они спокойно переносят суровость климата... Последствием сего являются знаменитые, закаленные тела, и мужчины, хоть и не великаны по росту, но хорошо и крепко сложенные, из которых иные, совершенно безоружные, иногда вступают в борьбу с медведями и, схватив за уши, держат их, пока те не выбьются из сил; тогда они им, вполне подчиненным и лежащим без сил, надевают намордник».

Яков Рейгенфельс. «Сказание о Московии», издано в Падуге в 1680 году после того, как автор два года прожил в России.

«Есть между ними такие, которые очень хорошо умеют бороться, в чем они иногда упражняются, подобно англичанам, которые весьма ловки в этом упражнении».

Гвидо Миет (член английского посольства, направленного в Россию в 1663 году).

«Описание Московии при реляциях гр. Карлейля».

«Эта закаленная и воинственная нация является одной из самых замечательных в современном мире как в физическом, так и в политическом отношениях. Физические упражнения как палестрического, так и орхестического характера составляют у русских важнейшую часть общественных увеселений... Может быть, не так уж несообразно считать эту склонность к увеселениям, и именно к увеселениям такого рода, мерилom национального здоровья...»

Если говорить о физических упражнениях русских — это значит говорить об их увеселениях; и ни у одной нации нет большей склонности к увеселениям, чем у них...

Борьба – это упражнение, которое еще часто можно наблюдать в России, но, конечно, как и в других странах, она, несмотря на свои отличные качества, спустилась в более низкие слои народа. Можно сказать, что это не посрамляет ее, так как она разделяет эту судьбу со многими совершенствами, которые скрылись в сердцах низших классов, так как сердца высших слишком полны другим».

Геркард-Ульрих-Антон Фит.

«Опыт энциклопедии телесных упражнений».

Том I. Берлин, 1794 год.

Глава четвертая. Без борца нет венца

В пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» есть такая сцена. В царские палаты впускают выборных людей от купечества и ремесленников. Они пришли «бить челом» на фактического правителя России царского шурина, вероломного и жестокого Бориса Годунова. Момент драматический: не защитит царь этих людей, – сидеть им по острогам, лежать под кнутом, а кое у кого полетят и головы.

Выборные рассказывают Федору о своих обидах и опасениях, но царь узнает вдруг среди них смельчака богатыря Ивана Красильникова, который когда-то потешал его, выходя в одиночку на медведя с рогатиной. И мигом забыл царь Федор о всех серьезнейших государственных делах, о боярских кознях. Заговорил с Иваном, стал рассказывать и даже показывать жестами царице, как ловко тот одолел разъяренного медведя. Потом вспомнил и Иванова двоюродного брата – кулачного бойца, купеческого сына Никиту Голубя – побившего своего родовитого соперника князя Григория Шаховского. Оба бойца здесь – в царских палатах. Федор оживленно беседует и предлагает им снова встретиться в кулачном бою в великий пост на Москва-река. Обсуждают даже будущий заклад, который достанется победителю... А над головами этих силачей уже занесена рука Годунова...

Дореволюционные историки обычно не считали удобным упоминать о таких вот «греховных» увлечениях царя Федора, все больше упирали на его доброту и благочестие.

В действительности же истово религиозный Федор прямо-таки упивался зрелищем кулачного боя и борьбы, в том числе и борьбы человека с медведем. Имея в качестве оружия только рогатину, охотник выходил на схватку с медведем в обнесенный высоким забором круг, из которого убежать было уже невозможно. Нужно было или сразить разъяренного «хозяина леса» насмерть или, что было и труднее и опаснее, ловко опрокинуть его рогатиной, когда он встанет на дыбы, оседлать и держать, крепко ухватив зверя за уши. Такие смельчаки находились, хотя забава, конечно, не обходилась без крови. В дворцовых записях той эпохи можно найти упоминания о том, что медведь «драл» того или иного бойца.

Верный исторической правде, А. К. Толстой считал не только возможным и нужным показать эту черту царского характера, но и более того, с явной иронией описал слабоумного и тщедушного царя-«болельщика», который поучает бывалых силачей кулачных бойцов. Всерьез советует им не бить «под ложку» (то есть в солнечное сплетение, в которое бойцы обычно и метили), потому что «то самое смертельное есть место».

При всех стараниях церкви ни цари, ни бояре не спешили расстаться с исстари традиционным и увлекательным зрелищем борьбы и кулачного боя. Кое-кто из знати и сам иной раз не прочь выйти на единоборство. Отличный знаток прошлого, А. К. Толстой не случайно говорит о князе Шаховском, которого бояре презрительно именуют кулачным бойцом. Вероятно, писатель здесь опирался на какие-то фамильные предания.

Однако и кулачный бой, и особенно борьба, считались тогда «потешным и мужицким делом». Являлись спортивным занятием простолюдинов. Знать оставалась, как правило, зрителями. Зрелище безоружных народных единоборств было характерной приметой царского и боярского быта. Им увлекались и предки царя Федора, и правившие после него цари. Ко времени правления его отца – Ивана Грозного относится даже одна из схваток с чужеземным борцом. Она запечатлена в широко распространенной исторической песне прошлых лет: о Матрюке-Кострюке.

Историческая песня, это не песня в нашем современном понимании, а напевное повествование о каких-то близких народу значительных событиях. Не умевшее писать простолюдыне пело о том, о чем желало бы рассказать и сохранить в памяти. И было это истинно народным осознанием событий. Историческая песня – младшая сестра былины. Это сказание, так еще

и не успевшее обратиться в былинку. Песни говорят не об обобщенных и уже стирающихся в памяти древних событиях, а о вполне конкретных, современных для автора песни; и герои их – вполне реальные исторические личности: от Ермака и Ивана Грозного до Суворова и Кутузова.

В нашем же случае мы имеем своеобразный спортивный репортаж русского средневековья. «Репортаж» о самой первой дошедшей до нас состязательной, а не боевой схватке, да к тому же еще с иноземным борцом-«чемпионом». Так сказать, о первом дошедшем до нас «международном матче» русских борцов.

Фольклористика говорит про песню о Мاستрюке-Кострюке очень кратко, но вместе с тем очень выразительно: «Одна из наиболее популярных исторических песен XVI века, известная в огромном количестве записей». В огромном – это отнюдь не преувеличение: достаточно сказать, что всего в одном сборнике приведено (ни много ни мало) целых девяносто вариантов, а ведь ими далеко не исчерпывается все многообразие этой посвященной борьбе песни. Пелась она во всех концах русской земли, пришла и на Украину, хотя та и находилась в то время под властью шляхетской Польши. Песня даже инсценировалась, представлялась в лицах при различных обрядовых торжествах, на свадьбах, играх. Больше того, песня, прославлявшая победу русского борца, стала своего рода гимном, воодушевлявшем на единоборство добрых молодцев.

«Если в деревне задумана борьба между парнями и мужиками, борцы и зрители уже собрались, а начать борьбу почему-нибудь не решаются, то чтобы «раззадорить» борцов, принято «наговаривать» эту же песню про Кострюка. Таким образом, в данном случае песня про Кострюка играет роль заговора и должна воодушевить борцов и заставить их броситься один на другого», – это говорит исследователь, записавший варианты песни в Пермском крае.

Так что же реально стоит за сюжетами множества вариантов этой популярной песни? В 1561 году Иван Грозный справлял свою очередную свадьбу. На этот раз его невестой стала дочь черкесского князя Темгрюка – юная княжна Кученей, получившая после крещения на Руси имя Мария. Историки не слишком одобрительно оценивают роль Кученей-Марии в русской истории. Есть даже мнение, что злосчастная опричнина возникла не без ее влияния. Вместе с Кученей в составе ее свиты в Москву прибыли два ее брата Мастрюк и Михаил. Песни хотя иногда и искажают имя Мастрюка, превращая его в Кост-рюка, Севрюка и даже в Стрюка, но борцовское состязание связывают именно с ним, и не с кем другим. Некоторые исследователи склонны считать, что боролся не Мастрюк, а его брат, получивший уже на Руси имя Михаил. К тому же боролся не в Москве, а уже в Александровой слободе, которую Грозный впоследствии сделал своей фактической столицей. И все-таки я склонен в данном случае более верить народной памяти. И это несмотря на то, что Мастрюк довольно скоро вернулся в свои родные края, а его брат пробыл при дворе целых десять лет и имел больше возможностей наблюдать схватки русских борцов и состязаться с ними. Правда, в конце концов, хотя он и стал видным опричником, но все-таки сложил голову на плахе по монаршей воле своего беспощадного родственника...

Но все это будет потом, а пока шумит в царских палатах невиданно богатый, веселый свадебный пир. Поют, заливаются лучшие на Москве песенники. Шуты и неутомимые развеселые скоморохи потешают царских гостей.

Звонят гусли, музыканты старательно дуют в свои рожки и сопели, наяривают смычками по струнам гудков. Слуги сбились с ног, обнося гостей обильным угощением: шутка ли, целых шестьдесят пять перемен блюд! Здесь и любимые царем – приносящие здоровье печеные перепелиные яйца; осетрина и севрюга, живьем привезенная в кадке с низовьев Волги; особо приготовленные цельные лебеди на колотых блюдах. Виночерпий щедро разливает изысканно дорогие фряжские вина, подносит по царскому знаку почетному гостю чеканные золотые ковшки, до краев полные янтарным вином.

Но вот среди этого бесшабашного хмельного веселья царского пира один человек сидит грустный, сумрачный.

«А един не пьет да не ест.
Царской гость дорогой
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкешенки.
И зачем хлеба-соли не ест,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.